

ГОД КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ЭМИГРАНТЫ И РЕПАТРИАНТЫ XX ВЕКА.
ТЕМА РОДИНЫ И ВОЗВРАЩЕНИЯ**

23–25 октября 2014 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

УДК 94(47+57)»19»(063)

ББК 63.3(2)6-4я43

Э55

Эмигранты и репатрианты XX века. Тема Родины и возвращения : тезисы докладов / междунар. науч. конф. Слепухинские чтения – 2014. – Санкт-Петербург : Фонд Слепухина, 2014.

В надзаг.: Благотворит. фонд им. Ю.Г. Слепухина, Всерос. музей А.С. Пушкина, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН, Рос. нац. б-ка, Союз писателей Санкт-Петербурга.

В издание включены тезисы докладов, приветствия участникам Международной научной конференции «Слепухинские чтения – 2014», а также рекомендации по использованию данных материалов в образовательных и культурно-просветительских учреждениях и организациях. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей России XX века, Русским Зарубежьем, отечественной культурой. «Труды» Международной научной конференции «Слепухинские чтения – 2014» готовятся к изданию в 2015 году.

Составитель: Н. А. Слепухина

Вступительная статья: Е. П. Щеглова

Дизайн, верстка Г. Ю. Слепухин

© Благотворительный фонд имени Юрия Григорьевича Слепухина
«Лучшие книги – библиотекам», 2014 г.

© Коллектив авторов, 2014 г.

Все авторские права защищены.

При использовании материалов издания ссылка на издание, авторов и издателя обязательна.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ИМЕНИ Ю. Г. СЛЕПУХИНА
ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

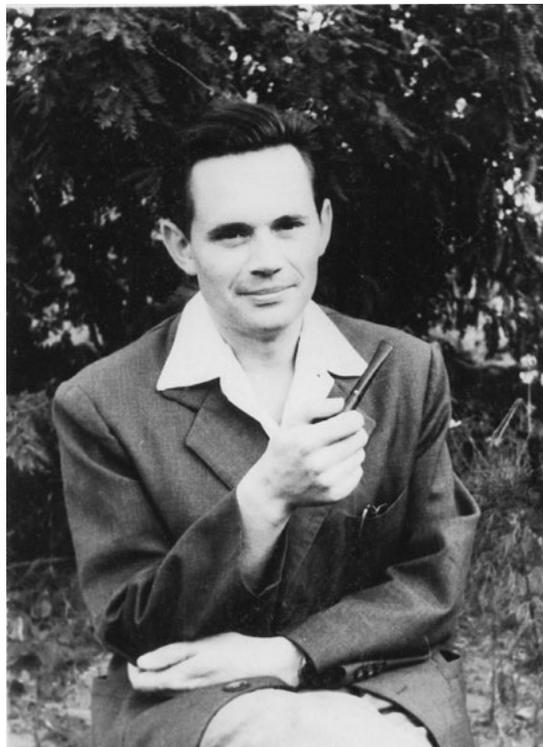
при поддержке
КОМИТЕТА ПО ПЕЧАТИ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИИ МО «ГОРОД ВСЕВОЛОЖСК»

**Эмигранты и репатрианты XX века.
Тема Родины и возвращения**

**Международная научная конференция
СЛЕПУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2014**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
Фонд Слепухина
2014

Cherly Kubt

1957 год

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель: Базанов Петр Николаевич

Профессор кафедры документоведения и информационной аналитики Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, доктор исторических наук, член Экспертного совета по вопросам российского зарубежья при Комитете по внешним связям Санкт-Петербурга

Багно Всеволод Евгеньевич

Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, член Союза писателей Санкт-Петербурга, заместитель председателя Экспертного совета по вопросам российского зарубежья при Комитете по внешним связям Санкт-Петербурга, член Попечительского совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Буров Николай Витальевич

Народный артист России, директор СПбГБУК «Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», председатель Общественного Совета Санкт-Петербурга

Глинка Михаил Сергеевич

Член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Всемирного клуба петербуржцев, Председатель Совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Лихоманов Антон Владимирович

Кандидат исторических наук, генеральный директор Российской национальной библиотеки, член Попечительского совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Некрасов Сергей Михайлович

Доктор культурологии, профессор, директор Всероссийского музея А. С. Пушкина, член Международного совета музеев (ИКОМ), член Экспертного совета по вопросам российского зарубежья при Комитете по внешним связям Санкт-Петербурга, член Совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Попов Валерий Георгиевич

Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга, президент Санкт-Петербургского отделения Русского ПЕН-клуба, член Совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Пустотин Николай Иванович

Кандидат медицинских наук, депутат Законодательного собрания Ленинградской области 5-го созыва, председатель Комиссии по бюджету и налогам, член Попечительского совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Радин Андрей Альбертович

Председатель Комитета по печати и связям с общественностью Ленинградской области, член Секретариата Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Слепухина Наталья Александровна

Научный сотрудник Российской национальной библиотеки, генеральный директор Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Толстой Михаил Никитич

Доктор физико-математических наук, член Всемирного клуба петербуржцев, член Экспертного совета по вопросам российского зарубежья при Комитете по внешним связям Санкт-Петербурга, председатель Попечительского совета Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Шапарнёва Майя Александровна

Кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ, Почетный член Российской библиотечной ассоциации, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, член Ревизионной комиссии Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

Щеглова Евгения Петровна

Член Совета Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель Секции критики и литературоведения; член Союза российских писателей, главный редактор Российского института истории искусств, член Попечительского совета Фонда имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги – библиотекам»

РЕКОМЕНДАЦИИ
по введению в круг образовательных дисциплин
материалов Международной научной конференции

«СЛЕПУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2014:
ЭМИГРАНТЫ И РЕПАТРИАНТЫ XX ВЕКА.
ТЕМА РОДИНЫ И ВОЗВРАЩЕНИЯ»

Российская трагедия XX века, затронувшая, а правильнее сказать, сломавшая все без исключения жизненные сферы, а вместе с ними и науку, и искусство, и литературу, непредставима без отчетливого понимания того, что наша родина оказалась расколотой на две России — Россию метрополии и Россию эмиграции. Трещина прошла сквозь самое сердце страны. И — сквозь сердце каждого из нас.

До тех пор, пока мы не поймем, чем была для России вынужденная эмиграция действительно лучших представителей нации, мы не вырвемся из дурной бесконечности нашего блуждания в исторических дебрях. Мы должны осознать: не существует фокусов, с помощью которых легко и безболезненно преодолевается культурный раскол нации, утрата чувства единого народа. Нельзя так уж запросто перешагнуть через общий наш исторический грех и оказаться в райских куцах процветания и благоденствия. Этот грех надо осмыслить, прочувствовать и в нем покаяться. Надо вернуть ощущение собственной общерусской судьбы.

И чем вдумчивее мы все к этому подойдем, тем больше вероятности не оказаться вновь в историческом тупике.

Вот почему материалы прошедшей в Санкт-Петербурге научной конференции непременно должны стать — и, я уверена, станут — достоянием всех, кто любит Родину по-настоящему, глубоко, искренне и вдумчиво и кто хочет приобщить к ее истории молодежь. Ведь, в добавление к сказанному, огромный пласт литературы, созданной в эмиграции, дает ключ к пониманию как творчества выдающихся советских писателей XX века — М. Булгакова, М. Горького, А. Платонова, М. Зощенко, А. Толстого, М. Пришвина, Ю. Трифонова, впитавших основные идеи отечественной и мировой литературы, так и в целом отечественной культуры. Непредставимо без влияния писателей-эмигрантов и творчество авторов более поздней эпохи, таких как В. Астафьев, В. Быков, В. Маканин, Л. Петрушевская, братьев Стругацких, В. Шукшина и многих-многих других. Феномен русской эмиграции и репатриации, можно сказать, впервые именно в материалах этого культурного форума получил должную оценку и осмысление, хотя о каком-либо окончании его исследования говорить, разумеется, невозможно. Конференция лишь положила ему начало, сделав это серьезно и глубоко. Причем — надо отметить это особо — на любом уровне, в любом аспекте: историческом, культурологическом, человеческом, что дало толчок к серьезному прорыву не только в сфере исторического знания, но прежде всего нравственного, без чего истории не существует. Человек только тогда по-настоящему осознает себя ответственным за судьбу родины, когда он

начинает понимать, что в основании истории лежат законы нравственные. Переступить через которые без ущерба для здоровья нации невозможно.

Судьба самого Ю. Г. Слепухина, прозаика глубоко гуманистического склада, не представлявшего себе жизни без России, оставить которую ему самому и его семье было очень непросто, — лучшее тому подтверждение. Едва лишь стало возможно вернуться в СССР, едва лишь открылась щелка для эмигрантов второй «волны», как он стал изыскивать пути возврата на родину, очень тогда, увы, неприветливую, смотревшую частенько на эмигрантов как на «предателей». А ведь на самом деле если кто и любил свою страну по-настоящему, так это те, кто вернулся сюда, несмотря на то, что жизнь в более богатых и благополучных странах сулила им существование вполне безбедное.

Разумеется, перечислить всех деятелей русской культуры, о ком шла речь на конференции, невозможно. Их сотни, если не тысячи. Это поэты, прозаики, философы, публицисты, актеры, историки, искусствоведы, ученые массы специальностей, церковные деятели, участники Сопротивления. Да и просто интеллигентные, думающие, страдающие люди, унесшие Россию в сердце и душе. Эта Россия болела у них до самой их смерти. Но все же приведу несколько особо выдающихся имен. Это И. Бунин, Ю. Трубецкой, И. Елагин, Н. Нароков, Д. Кленовский, А. Вертинский, Л. Ржевский, Г. Бенуа, С. Максимов, В. Перелешин, С. Голлербах. Имена же всех их — Господи, веши.

Да, не у всех, кто решил вернуться к родным могилам, судьба оказалась счастливой. Докладчики не раз говорили о страшной участи тех, кто попал под государственный топор. Писательница Н. Ильина из харбинской диаспоры рассказывала, что плохо представляла себе реальное положение дел в России. Оно и неудивительно: советская пропаганда прикладывала невероятные усилия для того, чтобы обелить в глазах мировой общественности образ страны, в действительности убившей (и развратившей) миллионы собственных граждан.

Но как жить писателю — без читателя? Русскому — без соотечественников? Без родных мест, где покоятся предки? Без общей судьбы? Без общих бед и радостей?

Иными словами — материалы этой конференции дают возможность понять и почувствовать духовное состояние нашего общества, в истории которого эмиграция стала важнейшей нравственной составляющей. Ее

география простирается от Европы до Северной и Южной Америки, от Австралии до Азии и Африки. Русские эмигранты, как наглядно показано в целом ряде докладов, существенно обогатили науку и культуру многих высокоразвитых стран, оставаясь при этом настоящими патриотами своей несчастной родины. Все ее беды и горести — что тоже отобразилось в докладах — они считали собственными своими бедами. Недаром великий Иван Бунин говорил Ариадне Эфрон, с одной стороны предостерегая ее от возвращения в Россию, а с другой — завидуя ей: была бы моя воля — пешком бы пошел в Россию, и будь со мной что будет...

Сегодня гигантское культурное наследие русской эмиграции, к счастью, нам доступно в полном своем объеме. Но мало просто иметь возможность читать Гайто Газданова, Ивана Бунина, Николая Бердяева, Георгия Федотова, вообще тысяч менее прославленных соотечественников. Это наследие надо изучать, пропагандировать, осмыслять, памятуя о том, что перед нами гигантский пласт спрессованной русской мысли и боли.

И — русской судьбы, к которой все мы причастны, как к судьбе родной матери.

Евгения Щеглова

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Приветствия участникам Конференции Тезисы докладов

Место проведения :

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (наб. р. Мойки, 12)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Участникам Международной
научной конференции
«Слепухинские чтения – 2014»

Уважаемые участники конференции!

От имени депутатов Законодательного собрания Ленинградской области и себя лично приветствую вас на Международной научной конференции «Слепухинские чтения – 2014».

Патриотизм и любовь к Родине – это первоочередные понятия, на которых зиждется воспитание подрастающего поколения, а ностальгия стала поистине «заболеванием русской творческой интеллигенции», вынужденной покинуть родную страну в беспокойные послереволюционные и послевоенные годы. Сложность адаптации русских эмигрантов за рубежом заставляла многих наших писателей, художников, поэтов возвращаться на Родину. Их произведения, исполненные глубинным пониманием непростой судьбы русского человека в контексте иностранной культуры, составляют золотой фонд нашей литературы. Одним из таких писателей был наш земляк Юрий Григорьевич Слепухин, на чьих произведениях выросло не одно поколение современных патриотов.

Тема «русского мира» в современных межкультурных и межконфессиональных отношениях актуальна сегодня, как никогда.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, вдохновения, оптимизма, удачи, творческих поисков и инноваций, новых побед и достижений, талантливых и благодарных учеников!

**Председатель
Законодательного собрания
Ленинградской области**

С.М. Бебенин

23 октября 2014 года

НЕКРАСОВ Сергей Михайлович
— доктор культурологии, профессор,
директор Всероссийского музея А. С. Пушкина,
член Международного совета музеев (ИКОМ),
член Экспертного совета по вопросам
российского зарубежья при Комитете по
внешним связям Санкт-Петербурга, член
Совета БФ имени Ю. Г. Слепухина

Уважаемые коллеги!

Всероссийский музей Пушкина очень рад принимать научную конференцию, посвященную темам, связанным с русской эмиграцией, а что касается «Слепухинских чтений» — имя этого писателя для нас чрезвычайно памятно, и поэтому уже не в первый раз мы встречаемся здесь, в этом зале. Здесь была презентация книги о нем, и я признателен Наталье Александровне (Слепухиной – *ред.*), что она очень активно содействует тому, чтобы наследие Юрия Григорьевича Слепухина было доступно, и чтобы о его судьбе, как о судьбе конкретного человека и в то же время как о судьбе представителя целого поколения, знали многие, и многие об этом помнили.

Должен сказать, что я, к сожалению, не имел удовольствия быть с ним знаком, но у меня такое ощущение, что я его хорошо знаю, я об этом говорил, когда в этом зале была презентация сборника «Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество» – потому что я достаточно хорошо знал очень многих людей, чья судьба во многом перекликалась с судьбой писателя и его литературного героя, который шагает к нам со страниц его книг. Поэтому эта тема для нас — далеко не пустой для сердца звук.

И еще одно: Александр Сергеевич Пушкин — это та мощная, творческая энергия, которая с детства вливается в каждого человека, для которого русский язык является родным языком. В 1937 году было 2 юбилея столетия памяти Александра Сергеевича Пушкина. Один юбилей достаточно широко праздновался во всем Советском Союзе, в Москве, и отличался всеми теми чертами, которые были характерны для жизни страны в этот период. Другие, не менее яркие события происходили в разных концах света, везде, где были представители русской эмиграции,

и, конечно, прежде всего, в Париже. Эти торжества, эти акции начались с очень простого чтения на французском языке Мариной Цветаевой своего перевода стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова «На смерть поэта». Представляете, как связывается все: Цветаева, Пушкин, Лермонтов. Сейчас этот экспонат, автограф Марины Цветаевой, который хранится в нашем музее, находится на выставке, посвященной двухсотлетию Лермонтова. И поэтому Пушкин для эмиграции, как когда-то заметили еще в 1937 году многие выступавшие в Париже, является тем знаменем, тем символом, той главной ценностью, которой располагает культура русской эмиграции. Наша культура оказалась гораздо сильнее, чем наша государственность, вот этот посыл совершенно справедливо предложен эмиграцией в качестве главной, основополагающей идеи существования русской культуры в условиях зарубежной России. Годы проходят, десятилетия проходят, ситуации меняются, но вот это двуединое существование Отечества в пределах страны и той зарубежной России, о которой мы говорим, оно каким-то удивительным образом продолжается.

И поэтому актуальность всего того, что сказано людьми, пережившими эмиграцию, актуальность того, что написано в книгах Юрия Слепухина, не уходит, и именно поэтому я вижу в сегодняшней встрече очень большой и важный смысл. Потому что вопросы, которые, казалось бы, должны были уйти куда-то уже в прошлое, в это самое прошлое не уходят, а являются актуальными сегодня. Поэтому, я думаю – наша сегодняшняя встреча действительно и актуальна и, наверняка, будет интересна. Хочу поблагодарить всех, кто принимал участие в подготовке сегодняшней встречи и желаю плодотворного разговора в эти дни — на базе Всероссийского музея Пушкина: сегодня здесь, на Мойке, 12, и завтра — на Фонтанке, 118. Пребывание здесь людей, которые будут рассуждать на данную тему, как мне хотелось сказать и показать — вполне естественно и оправдано.

БУРОВ Николай Витальевич
— народный артист России, председатель
Общественной палаты Санкт-Петербурга,
директор Государственного музейного
комплекса «Исаакиевский собор»

Я бы хотел поздравить всех от имени Общественной палаты, которую я, как председатель, могу представлять здесь, и как директор музея – достаточно крупного, принимающего более 3 млн посетителей в год, и как петербуржец, и как ученик многих репатриантов, вернувшихся в свое время после войны на Родину. Ученик, потому что в моем институте на Моховой были такие замечательные люди, которые, вернувшись, возвращали нас к памяти Смольного института, к памяти тех тонких наук и искусств, которые они получили еще в детстве в «темное, мрачное время царизма». Шуток по этому поводу может быть много, но, может быть, не время шутить.

Эмиграция возникает по разным причинам. Говоря о русской эмиграции, мы, наверное, можем с тем же успехом говорить и об эмиграции европейской в Россию. Представляемый мною музей – это пример удивительных приносов в русскую жизнь, в русское искусство, в русскую науку — приносов европейских. Итальянец Растрелли, швед Парланд, француз Монферран — это все были эмигранты: эмигранты творческие, эмигранты экономические. Они искали здесь счастья и возможности реализовать свои творческие потенциалы.

Русская эмиграция разных годов, разных столетий тоже отличается разными причинами. Самая страшная, конечно, причина — это революции и потрясения, когда мир начинает сходить с ума, и страшно себе представить, что твоя родина тоже вместе с миром сходит с ума, но особо изощренно, особо кроваво, особо страшно.

Я всегда очень любил репатриантов, которые имели смелость броситься обратно, предполагая, что с ними может случиться, но тем не менее имея смелость вернуться. Вчера совершенно случайно включил телевизор — шел фильм об Игоре Сикорском, великом русском эмигранте, и его сын —

по моему, это старший сын, Сергей Игоревич — нарушил закон историка и стал употреблять сослагательное наклонение во взгляде в прошлое. Он стал говорить: «ах, если бы...». И видел главную причину в Сталине. Мне кажется, это немножко такой взгляд обуженный — нет, не в одном человеке счастья и несчастья сходятся... Тем более, счастья и несчастья для громадной страны.

Мир волнуется все больше и больше, и мы опять в 2014 году возвращаемся в некую точку, в которой мир пребывал, может быть, и накануне Первой великой войны сто лет назад, и кто его знает, что нас ждет впереди. Россия в очередной раз сосредотачивается. Мне кажется, Россия не выдержит еще одной большой волны эмиграции. Просто физически не выдержит. И так-то уже потеряно столько до бесконечности..., поэтому, не нарушая закон историка, и, не употребляя сослагательное наклонение, я хотел бы, чтобы весь ход трехдневной конференции, высказанные умные, умнейшие, сердечные, взволнованные мысли, которые призваны оценить величие и трагизм предыдущих «волн» эмиграции, каким-то образом сказались бы и на дне сегодняшнем и, может быть, уберегли бы нас ещё от одной страшной беды, которую действительно уже не пережить.

Я бы не хотел заканчивать так грустно, я бы хотел закончить громадной благодарностью в адрес Натальи Александровны Слепухиной. Все началось, наверное, не 10 и не 11 лет назад. Зрело это и вызревало давно, где-то исподволь, потом стало оформляться в какие-то конкретные действия, и 11 лет назад родилось уже как Фонд, который родился совсем маленьким и несмышленным, и со временем стал набирать силу. Зрелость Фонда сегодня уже выражается не только в тех традиционных портфелях, которые принято раздавать участникам серьезных конференций, но и в том, что мы собрались в доме Пушкина. В том, что мы по первому снегу, санкт-петербургскому, подошли к нашему Пушкину — хорошо, что там стоит только дата «1950» и хорошо, что там нет надписи: «Пушкину от советского правительства». А Наталью Александровну я благодарю за то, что я знаю, как готовилась эта конференция. Мы долго искали место, где начать — начинали с Президентской библиотеки. Мне кажется, хорошо, что у нас не получилось там начать, потому что здесь как-то сердечнее, ближе, искреннее и, мне кажется, продуктивнее будет в конечном итоге. Замечательная программа конференции. Я с завистью смотрю на тех, кто будет способен принять участие во всех трехдневных мероприятиях, и просто завидую искренне. А по-настоящему — у нас сегодня большой праздник разума. Хотя бы оттого, как придумана программа Конференции, хотя бы оттого, что все вы здесь собрались, и дай Бог успеха и пользы этой замечательной Конференции, которая посвящена, мне кажется, важнейшим и острейшим на сегодняшний день вопросам. И не дай нам Бог сойти с ума!

КИРПИЧНИКОВ Анатолий Николаевич

— доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий Отделом славяно-финской
археологии ИИМК РАН;
Председатель президиума Ленинградского
областного отделения Всероссийского
общества охраны памятников
истории и культуры

Уважаемая Наталья Александровна, уважаемый Петр Николаевич (Базанов – *ред.*), уважаемый Михаил Никитич (Толстой – *ред.*), Сергей Михайлович (Некрасов – *ред.*)! В этом замечательном месте можно только обрадоваться и приветствовать всех, кто собрался по этой остроактуальной теме, которая, вообще-то говоря, раньше была совершенно неизвестна и не популярна, теперь она признана вполне легальной и легитимной. Разные, конечно, были причины эмиграции. Были политические, были поиски лучшей доли. В результате мы потеряли за истекшее столетие, да и нынешнее, много лучших умов, творческих душ. Зато мировое человечество обогащается мыслями России и русских людей. Но нам жалко, что мы своих соотечественников теряем, но не все потеряно, те, кто возвращается — это, конечно, большая радость.

Я думаю, что такое собрание — это еще одна веха, приближающая нас к важному вопросу: рассеивания русских, российских людей в нынешнем времени — говорят, двадцать пять миллионов, но никто не может сосчитать все это. Колоссальная совершенно диаспора, но в отличии, скажем, от татар, от китайцев, от евреев у нас есть один недостаток. Хорошо бы мы помогли этим людям, которые уехали, не теряли с ним связи, контактов. Может сегодня Конференция этому поможет.

ГЛИНКА Михаил Сергеевич
— член Союза писателей Санкт-Петербурга,
член Всемирного клуба петербуржцев,
председатель Совета
БФ имени Ю. Г. Слепухина
«Лучшие книги – библиотекам»

Несколько слов о Слепухине.

Воспоминания о Юрии Григорьевиче у меня чисто эмоциональные и, если можно так сказать, — ошущенческие. Всякий раз, как мы встречались, а это, в основном, были встречи в Доме писателей на еще тогда улице Воинова, которая стала Шпалерной, я помню, что он широко улыбался. Это была улыбка человека не перепуганного. Удивительно совершенно, что это был человек, на которого так навалились, можно сказать, две государственные машины: и наша, и та, которую в эмиграции он испытал.

Как этот человек сохранил ту фантастическую душевную живость, я бы даже сказал — веселость, которая может быть присуща только людям абсолютно уверенным в том, что такая веселость человеку нужна? Плен, эмиграция, затем вот это «радушие сквозь зубы», которое он испытал — когда человеку, вернувшемуся на Родину, не дали жить в больших городах. И как сквозь это пронести вот ту улыбку, пронести вот то ощущение радости жизни? — для этого нужна была действительно необыкновенно цельная и очень содержательная натура. Я не буду никаких фактов приводить, я помню ощущение от этого человека. Около него было свободно, он находился большую часть жизни в абсолютно несвободных обстоятельствах, но, тем не менее, ощущение того, что этот человек свободный, человек на свободной земле, сколь бы она не была свободна или не свободна, меня греет в течение многих-многих лет...

И когда Наталья Александровна предложила мне участвовать в работе ее замечательного Фонда, нашего Фонда, то я не мог никаким другим словом ответить, нежели словом согласия.

Рад приветствовать всех участников и гостей «Слепухинских чтений», желаю успешной работы!

СЛЕПУХИНА Наталья Александровна
— генеральный директор
Бф имени Ю. Г. Слепухина
«Лучшие книги – библиотекам»,
научный сотрудник
Российской национальной библиотеки

Уважаемые коллеги!

Почему «Слепухинские чтения – 2014» посвящены теме Родины и возвращения, я думаю, в этой аудитории объяснять не стоит, так как все знакомы с биографией Юрия Слепухина, и верно сказал вчера на пресс-конференции в Интерфаксе Михаил Никитич Толстой, что судьба Юрия Григорьевича – это только ее часть... Вся конференция посвящена гораздо большей и всеобъемлющей теме, которая, к сожалению, в России жива, наверное, до бесконечности.

Я благодарна всем, кто выступил раньше меня, кто открыл конференцию — прежде всего, Сергею Михайловичу Некрасову, который очень помогает Фонду, опекает, рад продолжать сотрудничество, понимая, что мы не замыкаемся на какой-то одной узкой проблеме. Спасибо огромное, Сергей Михайлович!

Я признательна и благодарна Николаю Витальевичу Бурову, который «благословил» наш Фонд одиннадцать лет назад, в Малом зале Филармонии, открыв наш первый концерт из цикла «Мастера искусств – народному просвещению», который назывался «Пушкин в музыке»: пел совершенно замечательный тенор, Юрий Михайлович Марусин, свою новую программу, посвященную Александру Сергеевичу. Надеюсь, Николай Витальевич, что еще долгие годы мы будем вместе.

Я благодарна Анатолию Николаевичу Кирпичникову и Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, которое поддержало нас при получении гранта Комитета по печати Ленинградской области на проведение этой конференции, а также общественную организацию «Педагог XXI века», возглавляемую Николаем Ивановичем Пустотиним – депутатом

Законодательного собрания Ленинградской области и членом Попечительского совета нашего Фонда.

Я благодарна за большую поддержку Михаилу Сергеевичу Глинке — председателю Совета нашего Фонда, Михаилу Никитичу Толстому, который долгие годы возглавляет Попечительский совет Фонда. То, что эта тема сейчас «вызрела» у нас, происходит, во многом благодаря той школе, которую удалось пройти на «Нансеновских чтениях», руководителем которых является Михаил Никитич.

Петр Николаевич Базанов очень многое сделал, как председатель Оргкомитета конференции: то, что вы все здесь, и то, что вы прислали заявки и будут эти замечательные доклады — во многом заслуга Петра Николаевича.

Кроме Всероссийского музея А. С. Пушкина, конференция проходит под попечительством Института русской литературы «Пушкинский дом», Российской Национальной библиотеки, Союза писателей Санкт-Петербурга, при поддержке Комитета по печати и связям с общественностью Ленинградской области и Администрации города Всеволожска. Город Всеволожск, где 34 года прожил Юрий Григорьевич после возвращения, — уникальный, прекрасный, замечательный, красивый город, в котором есть музей-усадьба А. Н. Оленина «Приютино», где также бывал А. С. Пушкин, Всеволожск умеет хранить свои культурные традиции. Я благодарна главе администрации города Сергею Алексеевичу Гармашу за поддержку Фонда. Благодарю также Музей-усадьбу «Рождествено» Гатчинского района Ленинградской области, где пройдет заключительный день нашей Конференции.

Поздравляю всех с началом Конференции и надеюсь на интересную, плодотворную работу!

А сейчас предлагаю посмотреть видеозапись беседы с Юрием Слепухиным, сделанную в 1998 году Ленинградской Областной Телекомпанией и ее ведущим журналистом Николаем Матвеевичем Визирякиным.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

БОЧАРОВА Зоя Сергеевна
(Россия, Москва) —
доктор исторических наук, профессор.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
Факультет глобальных процессов.

ПРОБЛЕМА РЕПАТРИАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ (1920-Е ГОДЫ)

Российское Зарубежье было ориентировано на самодостаточность, но смыслом его существования было возвращение в территориальные пределы родной страны. Значение проблемы возвращения на родину для тех, кто волей судьбы оказался вне ее пределов или сознательно бежал от советского режима невозможно переоценить. Почти до конца 1920-х гг., по выражению Р. Гуля, эмиграция была каменно убеждена в своей «чемоданной философии», т. е. жила надеждами возвращения в Россию. Кто-то ждал момента краха большевизма, сохраняя истинную, «унесенную» в Зарубежье Родину, другие готовы были ехать домой, невзирая на господство там советской власти. Поэтому проблема репатриации в течение 1920-х гг. стояла на повестке дня, являлась фактором, влиявшим на адаптационные процессы, и с разной степенью интенсивности обсуждалась в беженской среде.

Дискуссии о возвращении на родину в общественных кругах, в Лиге наций выливались на страницы прессы. Поскольку эмиграция была далеко не однородной в идейном отношении, газеты и журналы, за которыми стояли определенные политические силы, и которые стояли на определенных позициях, оставались крайне дифференцированы: от безоговорочного возвращенчества (журнал «Наш Союз», сменовеховские издания) до жесткого противостояния ему и недопущения любых переговоров с советской властью («Возрождение» и др.).

После выхода в свет брошюры А. В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал?», изданной в Берлине в 1923 г., началась новая волна

дискуссий. А. В. Пешехонов особенно резко реагировал против своей высылки из России в 1922 году. На его заявления отозвались лидеры всех политических изданий и общественных групп. В «Руле» о ней писал И. В. Гессен, в «Днях» — А. Ф. Керенский, в «Последних новостях» — П. Н. Милоков, в «Русской мысли» — П. Б. Струве, в «Воле России» — В. М. Чернов и т. д. Даже в «Правде» о ней был помещен фельетон Г. Е. Зиновьева. Многие органы печати отреагировали неоднократными публикациями. Активно включилась в дискуссию казачья и военная печать.

Движение за возвращение на родину было обусловлено как дезадаптацией, т. е. неспособностью вписаться в новое социальное окружение, так и идеологическими мотивами, а также практической возможностью реализовать эту идею. Репатриация изменяла облик российской эмиграции. За рубежом оставались наиболее непримиримые идейные противники советской власти.

БАЗАНОВ Петр Николаевич

(Россия, Санкт-Петербург)

— доктор исторических наук, профессор.

Санкт-Петербургский университет культуры

и искусств; член Экспертного совета

по вопросам российского зарубежья

при Комитете по внешним связям

Санкт-Петербурга; председатель

Оргкомитета Международной

научной конференции

«Слепухинские чтения – 2014»

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ (1917–1940 гг.)
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ОСОБЕННОСТИ ЭМИГРАЦИИ И РЕПАТРИАЦИИ**

Самой загадочной и неизвестной страницей истории Ленинградской области является судьба русской эмиграции в межвоенный период (1918–1940 гг.) на ее территории. Многие жители, даже исследователи, забывают, что Ивангород и окрестности до 1940 г. принадлежали Эстонии, а большая часть Карельского перешейка (сейчас разделенного между Ленинградской областью и Санкт-Петербургом) входила в состав

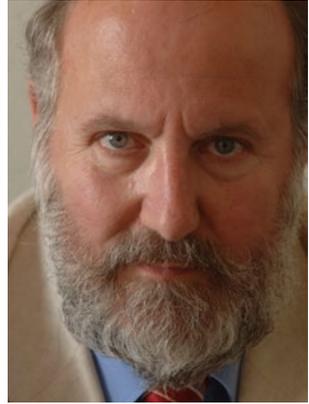
Финляндии. С другой стороны в исследуемой теме есть достаточно хорошо изученные сюжеты. Выделим жизнь и деятельность художника И. Е. Репина, писателя Л. Н. Андреева, поэта И. Северянина; историю конкретных населенных пунктов — Выборга, Териоки, Келломаки, Ивангорода.

Русская диаспора в Финляндии и Эстонии делилась на три категории. Во-первых, «классические» русские эмигранты — политические беженцы. Они жили по т. н. «нансеновским паспортам» и считались «бесподданными» (апатридами). Во-вторых, коренное русское население, до 1917 г. — граждане Великого княжества Финляндского или жители Эстляндской губернии. Это русские горожане в Выборге, Гельсингфорсе, Ревеле, Нарве (с Ивангородом) и крестьяне в Райволе — Райволово (ныне Рошино) и Красном Селе (Кююреля, 40 км от Выборга), русское население причудья и принаровья, характерное для т. н. государств-лимитрофов (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии) явление. В этих странах проживало коренное русское население, которое оказалось в эмиграции, никуда не уезжая. Третью, уникальную именно для Карельского перешейка, категорию составляют т. н. «дачники» — обитатели загородных домов под Петроградом в поселках Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Келломаки (Комарово), Териоки (Зеленогорск), Тюрисевя — Тюресово (Ушково), Канельярви (Победа), Перкиярви — Перкъярви (Кирпичное), Уусикирко (Поляны), Райто, Сальми (Житково), Сайнио (Черкасово), Ваммеллиярви (Ваммельярви, Гладышево) и др. Жили дачники и в Эстонии под Наровой и Усть-Нарвой (Гугенбург). Среди владельцев «дач» было много представителей русской интеллигенции, в том числе и известных ученых.

Все материалы по истории русской эмиграции на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области можно классифицировать по нескольким группам. Первую группу составляют материалы, полностью идентичные теме доклада. Вторая — о проникновении культуры русской эмиграции на территорию СССР. Третья группа — материалы о до эмигрантском периоде жизни и деятельности лиц, связанных с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью.

В современной общественно-политической обстановке, когда «Русский мир», с одной стороны стремительно развивается, с другой — подвергается репрессиям и гонениям именно за преданность русской культуре и России, особенно необходимо изучение прошлого.

Данный доклад фактически открывает новую область исследования.

ГЕРПА Ренэ

(Франция, Ницца)

— доктор филологических наук
Парижского университета

МОИ ВСТРЕЧИ С ВЫДАЮЩИМИСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВТОРОЙ «ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Доклад построен на воспоминаниях о выдающихся представителях «второй волны», которых докладчик знал лично: поэтах Д. И. Кленовском, Ю. П. Трубецком, И. Н. Бушман, О. Н. Анстей, А. С. Шишковой, О. П. Ильинском, В. К. Завалишине, В. Ф. Маркове, И. В. Елагине и др.

Во Вступлении содержится взгляд докладчика на три «волны» русской эмиграции. Такое определение характеризует стихийность явления эмиграции. В то же время каждая «волна» в своем движении сохраняет внутреннее состояние той жизни, из которой силами внешних обстоятельств была вытеснена в иные пространства.

У «первой волны» своя история: сопротивление, отступление, бегство, хождение по мукам, встреча с чужбиной, осмысление прошлого и осознание миссии быть не в изгнании, а в послании.

Вторая «волна» — уже из СССР, появилась в ходе Второй мировой войны, т.е. Великой Отечественной войны — с 1941 по 1945 гг. Это выходцы из Советского Союза: жители оккупированных немцами территорий, остарбайтеры, беженцы, военнопленные. Ко «второй волне» принадлежали и те, кто был обижен Советской властью. Они были из разных социальных слоев: выходцы из дворянского или купеческого сословия, мещане, кулаки и подкулачники. Были и внутренние эмигранты.

Третья «волна» хлынула также из Советского Союза застойных лет. Это так называемые диссиденты (инакомыслящие). Докладчик связывает начало «третьей волны» с выходом в 1974 году первого номера литературного, общественно-политического журнала «Континент». Далее

докладчик делится воспоминаниями о встречах и дружбе с поэтами Д. И. Кленовским, Ю. П. Трубецким, И. Н. Бушман, прозаиком В. Свенном; первых встречах в США летом 1975 года с поэтами О. Анстей, А. Шишковой, О. Ильинским, В. Завалишиным, писателем Л. Ржевским, художником С. Л. Голлербахом, с историком и писателем Н. И. Ульяновым; а также поэтами Т. П. Фесенко и Б. А. Филипповым, Н. Н. Моршениным, И. А. Буркиным, В. Ф. Марковым, И. В. Елагиным.

В своем издательстве «Альбатрос» докладчик издал сорок книг писателей-эмигрантов, из них девять книг поэтов и прозаиков «второй волны», чем способствовал триумфальному возвращению в постсоветскую Россию книг изгнанников всех трех «волн» русской эмиграции.

В докладе прозвучали уникальные подробности, характеризующие особое место русской культуры в контексте мировой, ее богатое наследие.

Секция I. ВТОРАЯ «ВОЛНА» ЭМИГРАЦИИ. ЮРИЙ СЛЕПУХИН.

АГЕНОСОВ Владимир Вениаминович
(Россия, Москва)

— заслуженный деятель науки РФ, доктор
филологических наук,
профессор Института международного
права и экономики им. А. С. Грибоедова

ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ ДИ-ПИ И ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Тема Второй мировой войны нашла наиболее эпическое отражение в романистике Л. Ржевского, Б. Ширяева, М. Соловьева и Ю. Слепухина.

Примерно половина известных писателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции обратилась в теме войны в стихах и прозаических произведениях малых жанров.

Можно выделить ряд аспектов изображения войны: эмигрант и советский человек; русский национальный характер в условиях войны; ситуация «между двух звезд», характерная больше для романистики, но встречающаяся и в малых жанрах.

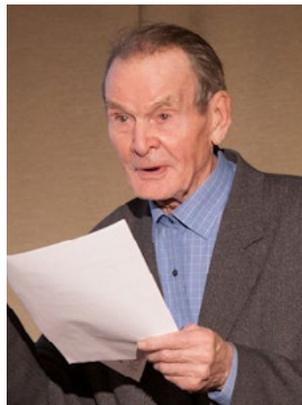
Война понимается писателями эмиграции как экзистенциальная катастрофа. Это мировосприятие у старших эмигрантов-ди-пийцев сохраняется на протяжении всего их дальнейшего творчества; у младшего поколения с годами изживается.

Изображение немцев в творчестве писателей-эмигрантов послевоенного поколения отличается диалектическим подходом, который в советской литературе появится только в 60-е годы.

В докладе подчеркивается, что в преддверии 70-летия Победы чрезвычайно интересно изучить восприятие войны русскими эмигрантами. Особое место, по мнению исследователя, в этом ряду занимает тетралогия Юрия Слепухина «Перекрёсток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почётно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000). Сравнивая роман «Тьма в полдень» с первой редакцией «Молодой гвардии» А. Фадеева докладчик приходит к выводу, что Слепухин дал гораздо более глубокую, многогранную и реалистическую картину деятельности молодежного подполья, подчеркнул, что это материал для будущего исследования.

В дальнейшем доклад построен на анализе произведений поэзии и малых жанров прозы по материалам изданной докладчиком Антологии писателей Ди-Пи и второй эмиграции «Восставшие из небытия» (2014). Из 41 писателя, вошедшего в Антологию, докладчик сосредоточился на произведениях Г. Андреева, Л. Алексеевой, О. Анстей, Р. Березова, И. Буркина, Е. Димер, И. Елагина, А. Кудашова, С. Максимова, А. Неймирока, Б. Ширяева, А. Шишковой, Б. Филиппова и В. Юрасова.

АКИМОВ Владимир Михайлович
(Россия, Санкт-Петербург)
— доктор филологических наук,
заслуженный работник высшей школы РФ,
член Союза писателей Санкт-Петербурга,
член Совета БФ имени Ю. Г. Слепухина
«Лучшие книги – библиотекам»

ТЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Г. СЛЕПУХИНА В КОНТЕКСТЕ СУДЕБ И ТВОРЧЕСТВА НЕ ВЕРНУВШИХСЯ ПИСАТЕЛЕЙ

В докладе предметом полемического обсуждения стал вопрос о принадлежности Ю. Слепухина к так называемой второй «волне» эмиграции. Рассматривая два характерных (с точки зрения автора доклада) признака в судьбе эмигрантов второй «волны»: сотрудничество с оккупантами и не возвращение в ставшую им чужой Россию, докладчик считает эти признаки решающими в определении «типологии» ЭМИГРАНТОВ ВТОРОЙ ВОЛНЫ.

Далее рассматривается судьба семьи Слепухиных во время войны и фашистской оккупации, насильственный угон в Германию в качестве «остарбайтеров». Согласно известной юридической угрозе, допущенной советской стороной, все бывшие пленники нацистов становились заключенными советских лагерей. Вот почему Слепухины вынуждены были воспользоваться возможностью спасения, оказавшись вначале в недоступной этой жестокой «юридической» директиве Бельгии, а затем, еще более отдаляясь, — в Южной Америке, в Аргентине. И лишь когда в нашей стране произошли глубокие политические сдвиги, когда «сталинизм» переживал глубокий кризис, и наступила эпоха «реабилитации», Слепухины вернулись на родину.

Докладчик обосновывает свое несогласие с отнесением Юрия Слепухина в некоторых историко-литературных работах к эмигрантам второй «волны», рассматривая типические признаки в судьбах тех писателей, которые действительно образовали вторую «волну» эмиграции. Свою точку зрения

докладчик подкрепляет, ссылаясь на книгу Вольфганга Казака «Лексикон русской литературы XX века» — немецкого учёного-слависта, профессора Кельского университета /1996/ и на Академический словарь Пушкинского Дома «Русская литература XX века» /2005/. Предметом рассмотрения являются судьбы известных эмигрантов: О. Анстей, И. Елагина, Ю. Иваска, Д. Кленовского, С. Максимова, Н. Моршена, Н. Нарокова, Н. Нарциссова Л. Ржевского, В. Синкевича, И. Чиннова, Б. Ширяева, В. Юрасова и др.

Докладчик, являясь одним из первых литературоведов, глубоко изучивших творчество Юрия Слепухина, заключает, что в отличие от названных литераторов, вынужденная эмиграция будущего писателя в качестве остарбайтера, а затем и «перемещенного лица», органично привела его к мысли о возвращении, результатом которого стала плодотворная писательская деятельность.

БАБИЧЕВА Майя Евгеньевна
(Россия, Москва)

*— кандидат филологических наук,
заведующий сектором специальной
библиографии НИО библиографии
Российской государственной библиотеки*

РОДИНА В ПРОЗЕ ВТОРОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ

Тема Родины, безусловно, занимает ведущее и по значимости, и по объему текста место в прозе второй русской эмиграции, рассматриваемой как единый историко-культурный феномен. О чем бы ни писали эти авторы, подлинное содержание их произведений составляет вопрос о судьбе России, русского народа или отдельных его представителей. Для каждого писателя, естественно, характерны своя постановка этого важного и сложного вопроса и, соответственно, своя специфика его решения. В то же время ситуационная общность судеб обусловила некоторые ярко

выраженные и четко просматривающиеся общие черты в образе Родины, созданном данной частью отечественной литературы.

Прежде всего, это особенная, только второй волне русской эмиграции присущая «отрицающая» ностальгия, где любовь к покинутой родине и тоска по ней органически сочетаются с животным страхом перед даже гипотетической возможностью там, на родине оказаться. Об этом пишут Л. Ржевский, Т. Фесенко, Б. Ширяев и некоторые другие авторы.

В прозе второй эмиграции создана небольшая по объему, но достаточно яркая и рельефная картина жизни дореволюционной патриархальной Руси. В ней представлены быт, взаимоотношение между людьми, внутренний мир персонажей практически всех социальных слоев: обитателей собственно «дворянских гнезд» (Ширяев, Нароков), российской деревни (Максимов, Ширяев), хуторов и станиц Ставрополя (Соловьев). В целом эта жизнь трактуется авторами как «правильно устроенная», часто (хотя не всегда) — идиллическая (или очень близко к тому).

В основном же в прозе второй эмиграции представлена картина «подсоветской» родины — СССР 1920–1940х гг., и картина эта получается намного сложнее, драматичнее, но как это ни парадоксально, в то же время и оптимистичнее изображения дореволюционной России. Отношение авторов к стране и народу здесь противопоставлено их же отношению к советскому государству. Самые суровые разоблачения, самые беспощадные обличения в данном случае не самоцель, а поиск выхода из тупика.

Картина повседневной жизни в СССР в предвоенные годы, созданная в прозе второй эмиграции, — своеобразна, откровенно тенденциозна, впечатляюща и информационно насыщена. Усиленно акцентируется нищета большей части населения, убогость быта в провинции (Н. Нароков «Мнимые величины», Г. Андреев «Горькие воды», В. Алексеев «Невидимая Россия»), в Москве и Ленинграде (произведения Л. Ржевского и Б. Филиппова, соответственно). С полунищенским существованием киевлян в этот период знакомит читателя Т. Фесенко. О нищете колхозного крестьянства средней полосы России рассказывает С. Максимов.

Писатели второй волны русской эмиграции показывают и начавшееся в «бесклассовом» советском обществе социально-материальное расслоение, чреватое назревающими конфликтами как в общественно-политической, так и в частной жизни («Денис Бушуев» С. Максимова, «Возвращение» В. Алексеева, «Мнимые величины» Н. Нарокова, очерки В. Свена). Открыто выражать протест народ пока не решается, однако в среде интеллигенции недовольство постепенно оформляется в подпольное коллективное противостояние режиму: от «безобидных» кружков по изучению философии до полноценных революционных организаций (В. Юрасов, В. Алексеев).

Неотъемлемая часть советского предвоенного бытия, полноценно и даже несколько гипертрофированно представленная в прозе второй волны русской эмиграции, — сталинские репрессии в СССР. Эту тему затронули — в большей или меньшей степени, в том или другом ракурсе, все без исключения писатели. Собственно «лагерная» литература занимает главное место в ее раскрытии, но не исчерпывает целиком. Подобно раковой опухоли лагеря не только смертельно поразили значительную часть жизни страны, но и затронули метастазами практически все остальные сферы существования людей.

Прозаики второй эмиграции, противопоставляя народ государству, умеют увидеть «жемчужины духа», которые «обстановка лишь оттеняет». Подлинный гуманизм и духовность в этих произведениях, как правило, связаны с религией (православием) или восходят к русским народным обычаям и традициям (Н. Нароков «Мнимые величины», Г. Андреев «Трудные дороги», В. Алексеев «Россия невидимая», Б. Филиппов «Ширмы», С. Максимов «Денис Бушуев»).

В произведениях о жизни СССР в предвоенные годы писатели-эмигранты второй волны создали множество прекрасных картин-образов, запечатлевших красоты русской природы и русских городов (С. Максимов, В. Свен, Л. Ржевский и др.). «Лагерная» литература послевоенной эмиграции богата также полными лиризма красочными пейзажами, данными от имени героев-рассказчиков (Б. Ширяев, Г. Андреев, С. Максимов, В. Алексеев).

Важным штрихом в создании образа Родины в прозе второй эмиграции стало изображение жизни страны во время Второй мировой войны, особенно — в начальный период. Здесь и ситуация в армии, прежде всего, картина преступной неподготовленности к военным действиям, повлекшей за собой невиданные жертвы (В. И. Алексеев, Г. А. Андреев, Г. П. Климов), и подробное описание жизни в советском тылу, а также на оккупированных фашистскими войсками территориях. При этом отчетливо фиксируется неразрешимая для многих россиян дилемма: защищая родину от иноземных захватчиков, они автоматически становились союзниками и защитниками строя, о крушении которого мечтали (а некоторые даже действовали подпольно, готовя его свержение). Те же, кто воспользовался моментом, чтобы вступить в борьбу с советской властью, автоматически оказались сражающимися на стороне оккупантов.

Прозаики из послевоенной русской эмиграции придерживались принципиально иного, чем их коллеги на родине в те же годы, художественного метода отражения действительности. В их произведениях отчетливо проступают основные черты критического реализма, в чем

они являются прямыми наследниками великой русской классической литературы XIX века.

Из всего сказанного следует, что собирательный образ Родины, созданный в прозе второй русской эмиграции, отразил специфику этой части русского рассеяния и получился реалистическим, хотя и несколько тенденциозным, сложным, драматичным и достаточно художественным. Представляя собой редкий и малоизученный феномен, этот образ безусловно заслуживает внимания и тщательного анализа как сам по себе, так и в качестве важной неотъемлемой части общей картины, создаваемой в отечественной литературе.

***АРРО Светлана Ефимовна**
(Германия, Франкфурт-на-Майне)
— писатель, критик, член Пушкинского
общества Германии,
независимый исследователь*

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РЕПАТРИАЦИИ НА ПРИМЕРАХ
НЕКОТОРЫХ СУДЕБ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ДВУХ ПЕРВЫХ «ВОЛН».
РОЛЬ СОЛИДАРИСТОВ В СПАСЕНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН
ОТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ
В 1945–1947 ГОДАХ**

Доклад независимого исследователя из новейшей эмиграции (Германия, Франкфурт-на-Майне) базируется на малоизвестных широкой публике или впервые обнародованных мемуарных и архивных (Архив НТС, Франкфурт-на-Майне) материалах о фактах практической деятельности НТС (Национально-Трудового Союза) российских солидаристов в Европе сразу после окончания Второй мировой войны.

В период 1945–1947 годов усилиями эмигрантов-солидаристов «первой

волны», вопреки секретным соглашениям глав трёх держав в Ялте (февраль 1945) о возвращении в СССР всех советских граждан, независимо от их желания, большое количество их было спасено от насильственной репатриации.

Так возникла в послевоенном мире «вторая волна» русской эмиграции, которая насчитывала не десятки тысяч свободных людей, а более миллиона.

Доклад приводит многочисленные факты спасения людей от выдачи Советам, считая эти действия продолжением за рубежом освободительного антисоветского движения.

1. Установки солидаристов по отношению к принудительной репатриации российских граждан и старых эмигрантов в период 1945–47 гг. и их современная оценка.

2. Спасение людей от выдачи. Методы противодействия репатриации. Создание «бюро корректировки документов» как способ изменения статуса. Легендарный автомобиль «Тифус».

3. Возникновение Комитета русских беженцев в Гамбурге. Совместные действия Православной церкви за границей и группы членов НТС.

4. Попытки связи солидаристов и РОА с союзниками ради спасения кадров освободительного движения и их провал. Случай и судьба Ариадны Ширинкиной.

5. Персоналия наиболее отличившихся членов НТС в спасении многих от репатриации.

6. Мировые протесты против кровавых массовых выдач. Постепенное смягчение жёстких установок Ялтинских соглашений в Европе.

7. Статистические итоги возникновения «второй волны» репатриации.

МОСЕЙКИНА Марина Николаевна
(Россия, Москва)
— доктор исторических наук, профессор.
Российский университет дружбы народов.
Кафедра истории России.

ПОСЛЕВОЕННАЯ РЕПАТРИАЦИЯ ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ В СУДЬБАХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РЕАДАПТАЦИИ

История послевоенной репатриации продолжает вызывать особый интерес у исследователей, в том числе и через судьбу отдельных личностей. В последнее время наблюдается всплеск интереса к жанру исторической биографии, а исторический субъект во всей своей многогранности вновь стал популярным предметом исторических изысканий.

Послевоенная репатриация в СССР была обязательна только для советских граждан и участников военных преступлений. Вместе с тем история репатриации из стран Латинской Америки после Второй мировой войны имела свою специфику. В связи с тем, что все прочие, включая белоэмигрантов, репатриации не подлежали, исключение делалось для тех представителей белой эмиграции, кто в годы Второй мировой войны занимал просоветскую позицию, участвуя в антифашистском движении солидарности, а также, кто на тот момент являлся членом национальных компартий.

Через посольские службы в латиноамериканских странах распространялась пропагандистская литература (популярна была, например, пьеса С. Михалкова «Я хочу домой»), осуществлялась публикация обращений и заявлений правительств союзных республик, писем и статей репатриантов в просоветской эмигрантской печати [в Аргентине это были – «Наша газета» (на рус. яз.), «Знания» (на белорус. яз.), «Тевине» (на литов. яз.) и др.]. Когда после войны в Восточном Берлине советское правительство наладило издание газеты «За возвращение на родину», многие из русских эмигрантов в Латинской Америке стали получать ее бесплатно.

Наибольшее количество обращений с просьбой отправить в СССР шло в те годы от простых тружеников — крестьян и рабочих, так и не сумевших социально адаптироваться в новых условиях проживания. Значительное их число составляли бывшие крестьяне, завезенные в регион в 1920–1930-е годы из Бессарабии, Польши, Прибалтики.

Активные репатриационные настроения после войны наблюдались также среди армянских организаций в Аргентине и Бразилии.

Развернутая на континенте деятельность советских служб (включая посольства, комитет «За возвращение на родину», Славянский комитет СССР, ВОКС и др.) по пропаганде идей репатриации в очередной раз расколола российскую эмиграцию на сторонников и противников возвращения.

Наиболее сильные антирепатриационные настроения были в Аргентине, где борьбу с репатриацией вели представители старой эмиграции и русские из числа перемещенных лиц.

В сложившихся условиях представители российских дипмиссий предлагали советским властям упростить требования к предъявляемым при регистрации на репатриацию документам, т.к. проживавшие в странах Латинской Америки эмигранты не продлевали своих национальных паспортов со времени въезда в страну, многие прибывали без паспортов, по метрикам, семейным спискам и другим документам.

К 1956 г. произошла смена методов репатриационной политики СССР (была создана новая организация «Комитет за возвращение на Родину», принято постановление об амнистии перемещенных, принимались меры по облегчению въезда в СССР советским гражданам, находившимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе).

Всего, по разным данным, через Аргентину в СССР выехало к концу 1950-х годов более 4 тыс. человек (по данным аргентинских газет — не более 3 тыс. иммигрантов русского, украинского и белорусского происхождения).

Возвращавшиеся в СССР расселялись главным образом в Белоруссии, Казахстане, и по понятным причинам, не всегда могли вернуться к своей прежней профессии. Тем не менее судьба репатриантов, тесно связанных с жизнью Петербурга, свидетельствует об успешной их реадaptации в новых условиях советской действительности.

В докладе рассматриваются личности и судьбы репатриантов: Павла Петровича Шостаковского — выходца из семьи основателя Московского филармонического общества Петра Адамовича Шостаковского; Георгия Александровича Бенуа, внука Михаила Леонтьевича Бенуа (родного брата выдающегося петербургского зодчего Николая Леонтьевича Бенуа — переоценка ценностей бывшего белого офицера произошла в его сознании

в годы Второй мировой войны, что определило в конечном итоге сделанный им окончательный выбор в пользу реэмиграции; Юрия Григорьевича Слепухина, десять лет прожившего в Аргентине, являвшимся одним из руководителей Южно-Американского отдела НТС (из которого вышел в 1955 г.), вернувшегося на Родину в 1957 г. и посвятившего себя литературе; и др.

Пример истории послевоенной реэмиграции людей разных поколений и социального происхождения показал, что и в новых, непростых условиях личность бывшего эмигранта предстает не в качестве пассивного элемента, вписывающегося в изменившиеся условия её бытия, а в качестве активного начала социокультурного адаптационного процесса. Во многом подобный результат стал возможен благодаря изменениям в общественной и культурной дипломатии послевоенного СССР, позволившим смягчить, а затем и частично преодолеть изоляцию русской эмиграции и восстановить контакты между диаспорой и исторической родиной.

АНТОШИН Алексей Валерьевич

(Россия, Екатеринбург)

*— доктор исторических наук, профессор.
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина*

**РЯДОМ С ЮРИЕМ СЛЕПУХИНЫМ:
РУССКИЕ СОЛИДАРИСТЫ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ США И ГЕРМАНИИ)**

Доклад посвящен деятельности организаций Народно-трудового союза (НТС) в странах Южной Америки в конце 1940-х–1950-е гг. Основное внимание уделено истории аргентинской группы солидаристов, в которую входил Юрий Григорьевич Слепухин. Спецификой данного доклада является применение автором историко-антропологического подхода, а также использование

некоторых методов, характерных для современных гендерных исследований. Автором использованы материалы из архивов США и Германии, большинство из которых впервые введено в научный оборот. Докладчик затрагивает проблему эффективности деятельности НТС в Аргентине, указывает на неслучайность факта раскола организации в 1950-е гг.

В докладе показаны те факторы, которые обусловили отход Юрия Слепухина от НТС, его разочарование в деятельности, которую осуществляла данная организация. В центре повествования находятся друзья и соратники Юрия Слепухина, оказавшиеся в Аргентине в 1950-е гг. — Евстафий Мамуков, Юрий Герцог и некоторые другие. Используя их личную переписку, автор раскрывает внутренний мир, психологические и нравственные установки русских людей, чьи судьбы оказались связаны с трагическими страницами отечественной истории XX века.

КОВАЛЕВ Борис Николаевич

(Россия, Великий Новгород)

— доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института Истории РАН

БОРИС ФИЛИППОВ (ФИЛИСТИНСКИЙ): ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО В ОККУПАЦИИ И ЭМИГРАЦИИ

Жизнь эмигранта Второй волны профессора в США Бориса Филиппова (настоящая фамилия Филистинский) сложилась успешно. Он стал известным литературоведом и специалистом по русской литературе и поэзии начала XX века. Но в годы Второй мировой войны, проживая в оккупированном нацистами Новгороде, он совершил преступления, не имеющие срока давности.

Он родился 6 августа 1905 года, в Ставрополе Кавказском. В 1924–1928 году учился в Ленинградском институте восточных языков

(по специальности «монгольская филология»), а в 1936 г. закончил Ленинградский вечерний институт промышленного строительства Главстройпрома. С начала 30-х гг. он несколько раз арестовывался по обвинению в контрреволюционной деятельности. В 1936 году его приговорили к пяти годам лагерей. По окончании срока в 1941 г. Филистинский был освобожден и поселился в Новгороде, так как в Ленинграде ему находиться, как бывшему заключенному, было запрещено.

После начала Великой Отечественной войны остался в оккупированном гитлеровцами городе, выступил инициатором создания Новгородской городской управы, где ему достался пост начальника политической полиции (так называемое «русское гестапо»). В это время совершил несколько преступлений, не имеющих срока давности.

В апреле 1943 года по предложению немцев перебрался во Псков, а потом в Ригу. Проживая в них, работал в отделе пропаганды, занимал пост заместителя редактора крупной коллаборационистской газеты «За Родину». Как литературный сотрудник, написал и опубликовал в этой газете несколько десятков антисоветских, антисемитских и исторических статей и стихотворений.

По некоторым данным в 1944 году был связан с немецкими спецслужбами.

В октябре 1944 года Филистинский с родственниками перебрался в Германию, где стал работать в отделе восточной прессы имперского правительства при министерстве народного просвещения и пропаганды. В конце войны ему удалось выехать из Берлина на запад Германии — в американскую оккупационную зону.

В 1950 году он переехал на постоянное местожительство в США. Жил сначала в Нью-Йорке, а с 1954 года в Вашингтоне, преподавал в 1968–1978 годах русскую литературу в Американском университете (Вашингтон, округ Колумбия) и параллельно работал на радиостанции «Голос Америки», писал тексты для радиопередач, адресованных советским слушателям.

Начиная с конца 40-х годов, он начинает активно публиковаться в различных эмигрантских изданиях «Грани», «Новое Русское слово», «Новый журнал», «Русская мысль» под псевдонимом Борис Филиппов. Всего до своей смерти в 1991 году им было опубликовано более 30 книг.

Советский Союз для экстрадиции Филистинского был готов отправить свидетелей его преступлений в США. Об этом шли переговоры в начале 70-х гг. Однако отставка президента Ричарда Никсона не позволила довести это дело до логического конца.

ТАЛАЛАЙ Михаил Григорьевич
(Италия, Милан)
— кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник и
представитель Института всеобщей
истории РАН в Италии

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ ИЗ ИТАЛИИ

В докладе рассматриваются следующие вопросы:

1. Во время Второй мировой войны Италия стала полем ожесточенных столкновений между Вермахтом и силами Сопротивления, куда вошли также бывшие советские солдаты, сбежавшие из плена. Вместе с тем и в рядах Вермахта пребывали восточные легионеры, а также казаки П. Краснова, что иногда придавало этим столкновениям характер Гражданской войны. После поражения Германии для выходцев из России / СССР встал вопрос о репатриации.

2. Участники Итальянского Сопротивления преимущественно стремились репатрироваться, проходя через фильтрующие лагеря и иногда подвергаясь репрессиям. Некоторые из них оставили мемуары — А. Тарасов и др.

3. Коллаборационисты с Вермахтом стремились избежать репатриации, иногда становившейся насильственной – лагерь в Риччони (Римини).

4. Попытка западных демократий урегулировать проблему — устройство лагерей Ди-Пи, где пребывали «перемещенные лица», бывшие советские граждане, не желавшие вернуться в СССР. Их описание у Б. Н. Ширяева.

5. Общий политический климат в Италии – сдвиг влево, отъезд из Италии эмигрантов первой волны (Кочубеи).

6. Обратная репатриация — возвращение в Италию из СССР политэмигрантов с русскими членами семейств, Ансельмо Марабини.

7. Упрочение в Италии престижа советской культуры в противовес эмигрантской.

ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич
(Россия, Санкт-Петербург)
— доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Центрального государственного
архива Санкт-Петербурга

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ РУССКИХ ЦЕРКОВНЫХ ЭМИГРАНТОВ НА БАЛКАНАХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Доклад посвящен сложной, актуальной, но малоисследованной теме. Ее актуальность заключается в современной ситуации с массовой эмиграцией из России и развитии русской церковной жизни на Балканах, хотя еще далеко не достигшей масштабов 1920-х–1950-х гг. К концу Второй мировой войны на Балканах, прежде всего в Югославии и Болгарии, осталось значительное количество русских церковных эмигрантов, объединенных в примерно 20 общин, насчитывавших несколько десятков тысяч прихожан. До 1945 г. они находились в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей, но затем вошли в состав особых благочиний Московского Патриархата. К 1947 г. большинство русских священнослужителей в Югославии приняло советское гражданство и желало выехать на родину. Однако получение ими въездных виз затягивалось годами. Так продолжалось до начала в 1948 г. конфликта Сталин–Тито. После этого русские общины в Югославии стали претерпевать репрессии и различные стеснения в своей деятельности, вплоть до арестов и насильственной высылки священников и монахов из страны. В результате некоторым из них пришлось уехать в западноевропейские страны, но части все-таки удалось вернуться на Родину, в том числе ряду известных в дальнейшем церковных деятелей Московского Патриархата.

Похожей была ситуация в Болгарии. Все священнослужители русского благочиния в этой стране получили советское гражданство, однако до начала 1950-х гг. никто из них не смог выехать в СССР. Лишь в первой

половине 1950-х гг. отдельные священнослужители, в частности известный протоиерей Всеволод Шпиллер, смогли вернуться на Родину и служить там. Таким образом, в случае священнослужителей репатриационная политика советских властей отличалась от общей линии. В отличие от других категорий эмигрантов, которых различными способами активно побуждали вернуться на Родину, священнослужителей старались не пускать, опасаясь, что они усилят Московский Патриархат. В этих условиях многие священники были вынуждены уезжать на Запад. Постепенно количество же русских церковных общин на Балканах резко сократилось, и к середине 1950-х гг. осталось лишь по одному приходу в Белграде и Софии, которые существуют до настоящего времени. Указанные сюжеты до сих пор не подвергались специальному исследованию. Доклад подготовлен на основе большого количества документальных источников из российских, сербских, американских и болгарских архивов, которые впервые вводятся в научный оборот.

СТРАШКОВА Ольга Константиновна
(Россия, Ставрополь)

— доктор филологических наук, профессор.
Северо-Кавказский федеральный университет. Кафедра отечественной и мировой литературы.

МЕЖДУ ДВУХ ИСТИН: СУДЬБА КАЗАКОВ-ЭМИГРАНТОВ В ТРИЛОГИИ ВЛАДИМИРА БУТЕНКО «КАЗАЧИЙ АЛТАРЬ»

Вторая мировая война поставила Донских, Кубанских, Терских казаков перед сложной дилеммой: воевать за советскую родину, или вместе с войсками вермахта возвращать потерянную после революции и Гражданской войны Вольную Донщину. Идеологический и психологический раскол казачества в этот период отражён в трилогии ставропольского писателя В. П. Бутенко — земляка Ю. Г. Слепухина.

Впервые исследуя проблему судьбы казачьей эмиграции, воплощённой в эпическом полотне писателя, мы актуализируем идею трагической безысходности народа, отторженного от своей земли, ищущего правду между двух истин, преданного как советской Россией, так и союзниками-англосаксами.

Судьба одного рода — Шагановых — являет в свёрнутом виде судьбу казачества в XX веке, участвующего в Японской, Первой мировой, Гражданской, Второй мировой войнах, переживших гонения советской власти, коллективизацию, голод 1932–33 годов. Но даже в самом трагическом эпизоде трилогии, сцене жестокого уничтожения казаков-эмигрантов на площади итальянского города Лиенца, проявляется менталитет народа-воина, защитника Отечества и своего достоинства, своей так и не обрётённой Воли.

ЕРШОВ Михаил Федорович

(Россия, Ханты-Мансийск)

— кандидат исторических наук, доцент.

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

КАК НАБЛЮДАТЬ ЗА СТАЛИНЫМ? ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И КОНЦЕПЦИЯ Ю. Г. СЛЕПУХИНА

Роман Ю. Г. Слепухина «Пантократор» стоит особняком в ряду художественных произведений, описывающих жизнь Сталина. Основное достоинство романа заключается в том, что его автор смог в художественной форме, через внутренний монолог вождя, проанализировать механизмы властвования и неизбежную историческую эволюцию советской государственности.

В «Пантократоре» отображены личностные свойства советского диктатора, стремящегося к неограниченной власти. Данное произведение имеет

как художественные достоинства, так и свойства исторического источника. Юрий Слепухин смог поставить относительно политики Сталина ряд значимых вопросов и дать на них оригинальные, последовательные и убедительные ответы. Среди этих вопросов выделяются: отношение к Ленину и марксизму, роль диктатора в Великой Отечественной войне, внутренние причины репрессий и отношение к людям, использование страха и отношение к вере.

Данное произведение многогранно. Оно сочетает в себе художественные достоинства, свойства исторического источника и притчи о человеческом грехопадении и последующем одиночестве.

Секция II. «РОДИНА, ЭМИГРАЦИЯ И РЕЭМИГРАЦИЯ».

Место проведения :

**ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА:
МУЗЕЙ-УСАДЬБА Г. Р. ДЕРЖАВИНА (наб. р. Фонтанки, 118)**

ДЕМИДОВА Ольга Ростиславовна
(Россия, Санкт-Петербург)
— доктор философских наук, профессор.
*Ленинградский Государственный
Университет им. А. С. Пушкина,
кафедра философии;
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
международная программа МАРКА*

ЭМИГРАЦИЯ И РЕПАТРИАЦИЯ, ВЕК ДВАДЦАТЫЙ: АНТРОПОЛОГИЯ, АКСИОЛОГИЯ, ПРАГМАТИКА

В докладе, посвященном истории трех волн эмиграции из России и СССР с преимущественным вниманием к первой «волне», представлен философско-антропологический анализ историко-культурных феноменов эмиграции и репатриации, рассматриваемых не дискретно, но как взаимосвязанные и

не имевшие временного предела процессы, в равной мере обусловленные внешними (социально-экономическими) и внутренними (нравственными и духовными) факторами. Указанные факторы в сочетании с общепринятыми культурными конвенциями определяли не только способ (форму) исхода из России и выбор страны проживания, но и модус выстраивания жизни в этой стране, с одной стороны, и оказывали положительное или отрицательное воздействие на решение о реэмиграции — с другой.

Особое внимание в докладе уделено формально-функциональной типологии рассматриваемых явлений, выстраиваемой в соответствии с критериями вынужденности – насильственности – добровольности; самостоятельности – опосредованности, долговременности – кратковременности, критерием места и времени исхода — укоренения на новом месте — возвращения/невозвращения на родину, а также социальным, общекультурным, профессиональным, возрастным и гендерным критериями.

Доклад основан на широком историко-культурном материале (научных, художественных и мемуарных текстах; публикациях в эмигрантской периодике; дневниках; эпистолярии), как опубликованном, так и не введенном до сих пор в научный оборот.

МИРОНОВА Елена Михайловна

(Россия, Москва)

*— кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник.*

Институт Всеобщей истории РАН

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ В 20–50-х гг.
ПО ФОРМИРОВАНИЮ УСЛОВИЙ ВЫЖИВАНИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.
ТЕМА РОДИНЫ И РЕПАТРИАЦИИ
В ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ.**

К сожалению, внутри эмигрантоведоведения, как, безусловно, и других отраслей исторической науки наметилось размежевание. Культурная составляющая стремится выделиться в отдельное направление. Однако писатели, артисты, художники помимо своей профессиональной составляющей и особенностей сознания, были людьми, которые в сфере своего физического существования подчинялись общим условиям бытия.

Заграничный Корпус российского МИД, отказавшийся от сотрудничества с властью большевиков на Родине, после окончания Гражданской войны стал основой, на которой базировалась вся система Русского Зарубежья, как «государства вне границ». Именно дипломаты инициировали создание статуса апатрида, нансеновских паспортов, бывшие посольства и миссии, как правило, возглавляли колонии, поддерживали связь между ними и властями стран пребывания, отстаивая право эмигрантов на занятость, получение образования на родном языке, содействовали развитию системы благотворительных организаций, защищали интересы соотечественников на индивидуальном уровне.

Их учреждения активно работали на протяжении всего межвоенного периода, некоторые возобновили деятельность и по окончании войны, логично приняв под свою опеку новую волну эмиграции. Деятели культуры не могли существовать вне этой реальности.

В докладе также рассмотрены вопросы разработки политическими кругами образа России, который в тот момент, как, впрочем, и сегодня, сам по себе был фактором в политической игре; изменения, корректировка этого образа и политики дипломатов по отношению к Родине на протяжении межвоенного периода и Второй мировой войны; их отношение к репатриации соотечественников и своей собственной.

БЕЛОВА Елена Ивановна
(Россия, Санкт-Петербург)

— кандидат исторических наук, доцент;
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет.
Кафедра истории и политологии

А. В. ПЕШЕХОНОВ И ДИСКУССИЯ О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ В СЕРЕДИНЕ 1920-х годов.

Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933) — теоретик либерального неонародничества, известный публицист, основатель и лидер партии народных социалистов, министр Временного правительства принадлежал к той части интеллигенции, которая, после революции и Гражданской войны, несмотря на угрозу репрессий и тяготы послевоенного времени, решила не эмигрировать, а разделить судьбу русского народа. Свою позицию Пешехонов формулировал так: возможность убежать от большевиков имеют десятки, а тысячи и миллионы остаются, почему я должен быть в числе первых, а не последних? Все его мирозерцание противилось тому, чтобы оставить в беде людей, близких по крови, духу, языку, быту, по тысячелетней истории.

Тем не менее, осенью 1922 г. он вместе с большой группой интеллигенции был выслан властями за пределы России. Тема родины, долга интеллигенции перед русским народом, поиска своего места в деле возрождения России продолжала неотступно стоять перед ним и в эмиграции. А. В. Пеше-

хонов писал: «можно сказать, что только над нею я все это время и думал».¹ В 1925 г. известный публицист выступит в журнале «Воля России» с серией статей, объединенных названием «Родина и эмиграция»². Пешехонов был личностью, которую привыкла любить и ценить вся культурная Россия; его привыкла слушать — и если не всегда с ним соглашаться, то всегда считаться — демократическая интеллигенция. Для целой традиции народнического социализма он был вождем и знаменем чести. Знали: Пешехонов может ошибаться, но никогда — приспособляться ни к власти, ни к толпе.

В отличие от многих, он не обольщал себя надеждой, что эмиграция будет кратковременной. Длительный же разрыв с народом, считал Пешехонов, приведет лишь к увеличению разницы в мыслях и настроениях эмигрировавшей интеллигенции и вынужденным жить при большевистском режиме народе. Он не хотел рисковать своей духовной связью с русским народом и возможностью участвовать в его истории.

Обосновывая положение о бессмысленности существования интеллигенции в её народническом понимании в эмиграции, Пешехонов не видел возможности для её борьбы с большевизмом вне России; политические партии он считал разгромленными, а их заграничную деятельность — потерявшую реальный смысл для будущего возрождения России — интеллигенция в Зарубежье теряет связь с русским народом и, тем самым, своё предназначение в обществе. Видный русский общественный деятель скептически отнёсся к другим, кроме политической, миссиям интеллигенции за рубежом, в частности, к сохранению русской культуры.

Требовательнее других Пешехонов поставил вопрос о возвращенчестве. Автор подчеркивал, что в сложившейся драматичной ситуации, в которой оказалась русская интеллигенция, такое решение может быть только сугубо личным. Действительно, сам он просто не мог жить вне родины. Люди, близко знавшие Алексея Васильевича, отмечали: «это был до мозга костей русский человек; так сказать, органический — цельный. За границей он чувствовал себя, как рыба, вынутая из воды: он мог дышать только воздухом родины и туда он стремился всеми силами души».³ Он полагал, что эта проблема возвращения может решаться только в каждом индивидуальном случае отдельно, однако долг интеллигенции быть со своим народом.

¹ Пешехонов А. В. Родина и эмиграция // Воля России. 1925, № 7–8. С. 104.

² Пешехонов А. В. Родина и эмиграция // Воля России. 1925, № 7–8. С. 102–128; №9–10. С.94–115; №11. С.57–99.

³ Милюков П. Н. . Памяти А. В. Пешехонова // Последние новости. 1933. 15 апреля.

Чтобы не оторваться от России, необходимо непосредственно участвовать в процессах, протекающих в стране, нужно идти вместе с народом, в союзе с одними и в борьбе с другими. Иначе русский народ уйдет от вас, уйдет в неизвестном направлении, — неоднократно указывал Пешехонов. Он стоял на точке зрения, что долг русской интеллигенции — быть с русским народом, вывариться с ним в одном котле, чтобы равнодействующая русской жизни слагалась при ее участии. Автор подчеркивал, что каждый в этот сложный момент сам должен сделать свой выбор: ведь придется идти на компромисс с властями. Относясь с достаточным уважением к читателю, он считал излишним говорить, что при этом нужно сохранить свое человеческое и гражданское достоинство.

Статьи известного публициста вызвали небывалый отклик. Вопросы, поставленные автором, и способы их разрешения оказались слишком острыми и волнующими для эмигрантской общественности. Заграничная русская пресса отводила их обсуждению много места, устраивались собрания и митинги, посвященные поднятым в этих статьях проблемам. Особая широта и страстность разгоревшейся дискуссии объяснялась также и разочарованием интеллигенции в прежних, вооруженных методах борьбы. Внутренняя жизнь российской эмиграции в 1925–1926 гг., отмечал известный философ, социолог и публицист Ф. А. Степун, шла «под знаком двух дискуссий: «Возрожденческой» — о необходимости всеэмигрантского объединения для окончательного наступления на большевиков и «возвращенческой» — о необходимости всеэмигрантского примирения с Советской Россией».⁴ Инициатором последней и был А.В. Пешехонов.

Свое мнение высказали многие русские политики, деятели науки и культуры. Хотя их аргументация была разной, в некоторых моментах противоречивой, но все они единодушно выступили против тезиса Пешехонова о том, что интеллигенция должна разделить судьбу своего народа на родине, что эмиграция не имеет будущего. В то же время русская интеллигенция, оказавшись за рубежом, не могла примириться с тем, что осталась вне жизни России. Вопросы о её роли в произошедших в стране событиях и определении задач в деле возрождения демократической России, возможность возвращения на родину являлись одними из наиболее животрепещущих. Дискуссия отличалась чрезвычайным накалом, страстностью и свидетельствовала о невозможности для русской интеллигенции примириться с судьбой изгнанницы.

⁴ Степун Ф. Мысли о России. // Современные записки. 1926. № 28, с. 365.

ШАРОНОВА Виктория Геннадьевна

(Россия, Москва)

*— кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Центра
комплексного изучения российской эмиграции.*

*Институт научной информации по
общественным наукам РАН.*

ПЕТЕРБУРЖЦЫ В ШАНХАЕ (ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА)

Доклад содержит новые, ранее неопубликованные материалы о жизни русских эмигрантов – петербуржцев в Шанхае.

Русская эмиграция в Китае в XX веке. Три «волны». Социальный состав беженцев и их адаптация в городах Поднебесной. Харбин и Шанхай — центры расселения русских диаспор. Формирование общественных организаций.

Лидеры эмиграции и их роль в жизни русской колонии в Шанхае.

В. Ф. Гроссе — последний генеральный консул Императорской России в Шанхае. Связь с Петербургом. Участие в вопросах «тайной дипломатии» русско-японской войны. Работа в Китае и в Японии. Деятельность 1917–1931 гг.

С. Н. Тимирев — русский патриот, «отец моряков» в Шанхае. Боевые заслуги и победы в Русско-японской и Первой мировой войне. Эмиграция в Шанхай. Деятельность в создании общественных военных организаций.

А. И. Ярон — военный инженер-строитель. Служба в России, строительство военных портов в Ревеле и Либаве. В «белых войсках» — у Колчака. Эвакуация из Владивостока в Шанхай в 1922 г. Участие в жизни колонии в Шанхае. Памятники архитектуры, созданные в Шанхае, в том числе Храм-памятник Николаю Второму.

С. Н. Тимирев и А. И. Ярон — уроженцы Петербурга. В. Ф. Гроссе — выпускник Петербургского университета, сотрудник МИД.

Жизнь каждого из них была тесно связана со столицей. Увековечивание памяти каждого из них в городе на Неве имеет большое значение для будущих поколений.

КРОТОВА Мария Владимировна
(Россия, Санкт-Петербург)

*— кандидат исторических наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет.*

РЕПАТРИАЦИЯ ЭМИГРАНТОВ ИЗ КИТАЯ: ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ

Доклад посвящен ситуации раскола в среде российской эмиграции в Китае по вопросу выезда из страны. Основан на мемуарах и переписке эмигрантов, документах из отечественных и зарубежных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

После Второй мировой войны в связи с осложнившейся обстановкой в Китае перед российским населением Китая встал вопрос: куда и как выезжать из страны? Советские граждане Шанхая в 1947 г. получили возможность выехать в СССР: теплоходами «Ильич», «Восток», «Гоголь» было вывезено в Находку около 7 тысяч репатриантов, откуда их распределили по «перечню рекомендованных районов». Другая часть русских эмигрантов и советских граждан, не стремившаяся в СССР, стала искать пути выезда из Китая. Многие подали документы на выездные визы в США, Австралию, Южную Америку, даже в Танжер. С помощью международной беженской организации в 1949 г. около 5 тыс. российских эмигрантов были вывезены из Шанхая на о. Тубабао (Филиппины), где многие беженцы провели больше 2 лет, ожидая визы на переселение в одну из принимающих стран. С острова российские эмигранты разъехались в разные страны.

Российское население Маньчжурии (около 70 тыс. чел.) также разделилось на тех, кто желал вернуться на родину, и тех, кто хотел выехать «за речку» (так называли выезд в Европу и Америку). Первыми получили возможность выехать из Маньчжурии поляки и евреи в конце 1940-х гг. в Польшу и Израиль. До 1953 г. выехать в СССР русскому населению Мань-

чжурии, даже имевшему советское гражданство, официально было практически невозможно, в связи с этим были частыми случаи нелегального пересечения границы, но пограничники возвращали «беглецов». Только в апреле 1954 г. постановлением Советского правительства был разрешен выезд из Маньчжурии на территорию СССР семьям советских граждан для работы на целине в районах Центральной и Южной Сибири, Южного Урала и в северо-западных областях Казахстана, причем все расходы на репатриацию брало на себя государство.

Многие эмигранты в Маньчжурии с конца 1940-х гг. начали подавать документы в Генеральное консульство США в Гонконге (ближайшее к Китаю американское консульство), а также ходатайства в представительство Верховного комиссара ООН в Гонконге, в отделение Всемирного совета церквей, с просьбами о предоставлении въездных виз в США, Австралию, Латинскую Америку. Но часто, даже получив необходимую въездную визу, разрешения на выезд не давали местные власти, т.к. правительство КНР, следуя настойчивым просьбам МИД СССР, ввело ограничения на выезд в капиталистические страны (они были сняты только в 1960 г.). Более того, СССР требовал привлечения к уголовной ответственности тех представителей русской колонии, которые активно выступали против репатриации в СССР. Сложилось трудное неопределенное положение. Некоторые не выдерживали давления со стороны советских консульств и принимали решение уехать в СССР. Часто при принятии решения о возвращении разрушались семьи, случались разводы, расставались дети с родителями.

Репатриация эмигрантов из Китая и выбор направления выезда высветила многие проблемы в среде российской колонии. Часть эмигрантов с советским гражданством, принятым («восстановленным») после войны, предпочла выехать в США, Европу, Израиль и Латинскую Америку. Во многом на принятие решения о выезде оказали влияние письма ранее репатрировавшихся эмигрантов из СССР. Процесс «перековки» в конце 1940-х гг. представителей русской колонии в Китае из «совпатриотов» в эмигранты называли переходом «из Павлов в Савлы». О мотивах выезда, сомнениях, трудности выбора и дальнейшей адаптации в новых местах свидетельствуют письма и мемуары реэмигрантов из Китая.

НАЗЕМЦЕВА Елена Николаевна
(Россия, Москва)
— кандидат исторических наук,
научный сотрудник Научно-
исследовательского института
военной истории Военной Академии
Генерального штаба Вооруженных сил РФ

РЕПАТРИАЦИЯ РУССКИХ ИЗ КИТАЯ В 1920-е гг.: ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОБЛЕМ К ПРОБЛЕМАМ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫМ

Проблема правового положения и репатриации представителей российской эмиграции стала привлекать внимание научного сообщества в последние годы. Сложность темы, её междисциплинарный характер, ограниченность источниковой базы, специфика, требующая особых методов и подходов при анализе, систематизации, долгое время оставляли её вне поля зрения исследователей.

В 1920-е –1930-е гг. в Китае не было определённой государственной власти и политики в отношении представителей иностранных диаспор, в том числе — русских эмигрантов. В разных провинциях и регионах страны их правовое положение зависело от политической ситуации и характера власти. Неурегулированность правового положения, неясные перспективы жизни на чужбине, а также усталость от скитаний и войны заставляли многих эмигрантов принимать решение вернуться на Родину. Кроме этого, для русских эмигрантов положение беженца было неприемлемым, поскольку это влекло за собой сложности административного характера, притеснения и произвол со стороны китайских властей.

Китайские власти пытались противодействовать бесчисленным потокам русских эмигрантов. При переходе границы все белогвардейские части разоружались.

В начале 1920-х гг. советское руководство начало проводить мероприятия по репатриации русских беженцев из Китая. Процедура получения гражданства предусматривала амнистирование. Через советских упол-

номоченных представителей документы отправлялись на рассмотрение в Комитет гражданства НКВД, резолюция которого оформлялась как решение ЦИК СССР. Однако репатриация проводилась медленно, между советскими структурами отсутствовала согласованность в действиях, не хватало материальных средств, выделяемых центром. Лишь после подписания соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и Китаем консульства получили право централизованно отправлять в Москву списки соискателей советского гражданства, которые рассматривались в кратчайший срок.

На северо-западе Китая, в Синьцзяне правовое положение русских эмигрантов имело свои особенности, а урегулирование правового статуса также являлось важным фактором советско-китайской дипломатии в регионе. Переход на территорию провинции десятков тысяч беженцев и осложнение в связи с этим политической и социальной обстановки в регионе вынудили руководство провинции пойти на налаживание отношений с представителями советской стороны даже несмотря на отсутствие официальных отношений.

Всего во время репатриации русских эмигрантов и беженцев, покинувших Россию во время революции и Гражданской войны, к 1922 г. вернулись 122 тыс. чел., к 1931 г. — 181 тыс. эмигрантов.

ЛИ ИННАНЬ
(Китай, Пекин)
— профессор, Пекинский университет
иностранных языков.
Институт русского языка

ЧУЖОЙ ИЛИ ДРУГОЙ? — «КИТАЙСКИЙ СЛЕД» В ПОЭЗИИ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

«Свой/Другой/Чужой» — тема, которая издревле волнует человечество и которая приобретает особую актуальность в наши дни. В культурологическом смысле Другой — это иной, отличающийся по культуре, непохожий на меня и потому не являющийся своим. Чужой же понимается не только как «нездесьшний, иностранный, находящийся за границами родной культуры», но и как «незнакомый, неизвестный и недоступный для познания»¹.

Интересно посмотреть, как преломляется тема «Свой/Другой/Чужой» в творчестве эмигрантов, покинувших сферу своей культуры и оказавшихся в инокультурном пространстве. Эта тема звучит, например, в романе «Южный крест» Юрия Слепухина, где чуждость окружения заставляет героя острее почувствовать свою русскую идентичность. Схожую мысль можно услышать и в строках поэта, выросшего в Китае и говорившего от лица первой волны русской эмиграции:

Все звезды повидав чужие
И этих звезд не возлюбя,
Мы обрели тебя, Россия,
Мы обрели самих себя! (Валерий Перелешин. «Мы».)

Писатели второй волны эмиграции и Ди-Пи, возможно, в силу того, что оказались в инокультурных условиях принудительно и, не успев

¹ См.: Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

укорениться, вынуждены были переезжать из одной страны в другую, почти всегда воспринимали жизнь инородной среды как чужую.

Несколько иначе сложились отношения с Другой культурой у эмигрантов, долго с ней соприкасавшихся, прошедших путь познания Другой действительности.

Цель настоящего доклада проследить своеобразие отношений восточной ветви русской эмиграции с китайской культурой.

С одной стороны, китайская культура в отличие от европейской была для русских эмигрантов совершенно чуждой — чужой и никак не могла быть своей, а с другой стороны, обстановка в Китае, прежде всего, в Харбине допускала доминирование русской культуры, и эмигранты могли вести полноценное существование, закрывшись в своем культурном мирке, и безболезненно сохранять собственную культурную идентичность.

Чужое, находящееся за пределами любовно лелеемого русского пространства (в Харбине, например, даже местожительство русских и китайцев было четко разграничено, а в Шанхае, Тяньцзине и др. городах существовали иностранные концессии), не делало попыток вторжения в русский мир, и эмигранты могли наблюдать за ним с интересом или вообще оставлять без внимания.

Многотысячелетняя китайская культура, непонятная и загадочная, вставала перед теми, кто выезжал за пределы Харбина — в китайскую деревню, в древнюю столицу Пекин или на юг Китая. Здесь поэты не могли не ощутить приметы Другого.

Если же оторваться от экзотики, то жизненный мир другой культуры нес с собой иные запахи, иные лица, иное поведение — черты, не всегда приемлемые и приятные.

Кажется, что «самим фактом своего бытия Чужой угрожает нашей безопасности»². Опасность утраты себя, т.е. собственного культурного пространства и русской идентичности обостренно воспринимается некоторыми эмигрантами.

Но надо ли бояться Чужого? Страх перед Чужим, непонятным, неизвестным, прежде всего, происходит от культурной дистанции, культурных барьеров, которые нас разделяют. Он коренится в наших собственных представлениях, в настрое нашей души, в отношении к инаковости другой культуры.

Следует отметить, что большинство русских поэтов, пишущих о Китае, старались в той или иной форме преодолеть отчужденность, вызываемую различием культур.

² Там же. С. 18.

Мостик к Другому перебрасывается через сочувствие и сострадание к нищим и несчастным, так свойственные русскому человеку

Китайская культура оказывается притягательной для ряда русских поэтов-эмигрантов, жадно впитывающих ее соки.

Русские поэты переводят китайскую классическую лирику, издают антологии китайской поэзии. Среди переводчиков можно назвать такие имена, как Н. Светлов, Ф. Камышнюк, В. Март, М. Щербаков, супруги А. и И. Серебрянниковы и др. Появляется немало стихотворений по мотивам китайской поэзии и живописи, заслуживающих отдельного исследования.

Однако наибольшим проникновением в китайскую культуру отмечено творчество одного из самых выдающихся поэтов харбинской эмиграции Валерия Перелешина. Поэт, серьезно изучавший китайский язык и древнекитайскую поэзию, известен также как переводчик классических произведений «Ли Сао», «Дао Дэ Цзин», стихотворений Танской эпохи, вошедших в сборник «Стихи на веере» и т.д. Для Перелешина Китай — не набор экзотических маркеров, это реалии его собственной жизни, его духовного мира.

Перелешин — один из немногих поэтов эмиграции, который не уподобляет китайское русскому, а, наоборот, стремится через уподобление войти в китайский мир. Ценности китайской культуры глубоко входят в мировосприятие русского поэта.

Это движение по направлению друг к другу, принятие Другого в свой мир — единственный выход из порочного противостояния, делающего из Другого Чужого, а из Чужого — Врага.

Итак, на наш взгляд, русские поэты эмиграции, пишущие о Китае, как правило, не отчуждаются от незнакомой культуры — нередко их манит именно ее инаковость, ее непохожесть на свою культуру. Китай как Другой не вызывает враждебных чувств или отторжения, его присутствие добавляет свежий колорит, расцвечивая новыми яркими красками ткань стиха и создавая тем самым уникальную «китайскую нотку» в творчестве русских поэтов.

ИОФФЕ Элеонора
(Финляндия, Хельсинки)
— писатель, публицист, переводчик,
член объединения научных писателей
и союза переводчиков Финляндии,
член Союза писателей Санкт-Петербурга.

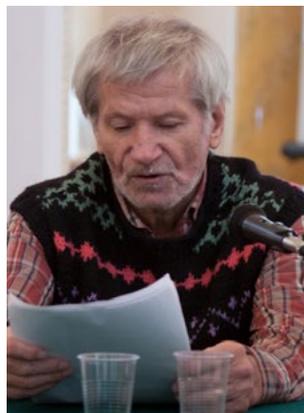
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ СИНДРОМ»: РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ-ТЕРРОРИСТЫ В ФИНЛЯНДИИ

В данном докладе рассматривается роль Петербурга/Петрограда/Ленинграда во взаимоотношениях Финляндии и России, и позднее — Финляндии и СССР. Во вступительной части дается ретроспектива этих взаимоотношений на протяжении нескольких веков. Подчеркивается позитивное их развитие в период 1809–1889 гг., со времени вхождения Финляндии в состав Российской империи до последнего десятилетия XIX века, когда Российское правительство начало последовательное наступление на автономные права Великого княжества Финляндского, предпринимая активные попытки русификации страны.

Основная тема доклада — Петербург как символ утраченной России. Автор показывает, насколько значительным оказалось влияние географической близости бывшей столицы империи на психологию и деятельность русской эмиграции в Финляндии пореволюционного периода и, в особенности, на участие в антисоветском белом движении молодых эмигрантов. Этот своеобразный «петербургский синдром» использовали в своих целях и эмиссары центральных организаций белой военной эмиграции, и агенты международных разведслужб и, естественно, агенты советской разведки и контрразведки. Именно соблазном роковой близости советско-финляндской границы объясняется активная и значительная роль проживавшей в Финляндии русской молодежи в играх в «шпионов и чекистов» — и это несмотря на то, что по сравнению со странами Центральной Европы или с Китаем русская диаспора в стране Суоми была относительно малочисленной.

Автор приводит интересные и не исследованные ранее параллели между главным героем романа Владимира Набокова (Сирин) «Подвиг» и реальными участниками походов в СССР в 1927 году, Александром Сольским и Альфредом Адеркасом. Они были арестованы в разное время вскоре после перехода советской границы. На показательном судебном процессе «пяти монархистов-террористов» в Ленинграде в сентябре 1927 года 23-х летнего уроженца Петербурга, Сольского (и еще троих «ходоков») приговорили к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу. Адеркас, остзейский дворянин из Латвии, двадцати одного года, был по молодости лет «помилован» и приговорен к 10 годам лишения свободы. Его следы после 1938 г. теряются в недрах Гулага.

КОСИК Виктор Иванович
(Россия, Москва)
— доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник.
Институт славяноведения РАН

РУССКИЕ НА БАЛКАНАХ: ТЕМА РОДИНЫ В ЖИВОПИСИ, В ТЕАТРЕ И ПОЭЗИИ

Искусство в эмиграции неразрывно связано с памятью/напоминанием о Родине — прошедшей, настоящей, будущей, равно как и возможностью вновь «переживать» себя в Отечестве, в судьбах своих и соотечественников, в «видениях» родной природы, русского народа.

Русскость картин, воссоздаваемых на «чужих берегах», позволяла не терять связи с родиной, «видеть» историю своей страны в разнообразных сюжетах и лицах. Русской культуре служили и «серьезная» живопись (от С. Ф. Колесникова до Б. Н. Литвинова) и комиксы (от К. К. Кузнецова до А. Ранхнера).

Русский театр (от пьесы А. Аверкиева «Каширская сторона» до пьесы

«Нашествие» Л. М. Леонова) требовался самым русским, для которых театр стал не только развлечением, уходом в былое, но и своеобразным возбудителем мыслей и чувств. В театральной русской классике и в современных постановках, от русских до советских, всегда присутствовала в самых разнообразных сюжетах, аспектах, зримых и незримых тема родины, позволявшая не только «забыться» на время действия спектакля, но и укрепить с нею невидимую связь, была особенно важной для молодежи, росшей вдали от России.

Строки о родине в творчестве русских поэтов, от Н. Я. Агнивцева до А. В. Эйснера, уже были обусловлены жизнью «на чужой земле». Грусть, тоска, картины былого, мечты, надежды и кураж — все это характерно для строф тех, кто переживал трагедию Родины, кто надеялся на возвращение, кто воспевал ее.

РОДИОНОВА Надежда Александровна
(Россия, Москва)

— кандидат исторических наук, доцент.
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ).

РОССИЯ И РУССКИЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ О. А. БРЕДИУС-СУББОТИНОЙ

Проблема судьбы России имплицитно вписана в биографию русской после-революционной эмигрантки О. А. Субботиной. Выйдя замуж в 1938 г. за представителя одной из самых известных семей Голландии А. Бредиуса, она переехала в Голландию и в течение более 10 лет (1939–1950гг.) пыталась утолить ностальгию перепиской с духовно близким ей писателем И. С. Шмелёвым. Их переписка была опубликована в 2003 г., однако этнопсихологические зарисовки православной патриотки О. А. Бредиус-Субботиной, равно как и эволюция представлений голландцев о её соотечественниках, определяемая политической

конъюнктурой, не стали предметом специального исследования. А между тем её наблюдения могли бы быть полезными и сегодня для разработки механизмов преодоления негативных стереотипов в отношении русских, что удавалось О. А. Бредиус-Субботиной, которой были присущи лучшие качества русского национального характера — милосердие, жертвенность и бескорыстие, душевная щедрость и доброта.

О. А. Бредиус-Субботина воспринимала мир через призму своей культуры, а стремление сохранить «русскость», русскую национальную идентичность и присущие русской культуре ценности, приводило к отстранению от иной культуры, усиливало ностальгию и затрудняло адаптацию.

Ностальгирующая на чужбине эмигрантка Субботина осознаёт разницу культурных кодов, в основе которых — разные ветви христианства. Образ «своих», русских в письмах О. А. Бредиус-Субботиной заведомо комплиментарен в отличие от голландцев, характеристики которых подчас нелицеприятны.

Негативизм оценок свидетельствовал об обострённой эмоциональной реакции в связи с переживанием ею травмы изгнания. Реальность угрозы цивилизационной энтропии в инокультурном окружении требовала включения механизмов социально-психологической защиты от влияния другой культуры.

Россия оставалась для неё родиной, политика её правящих кругов не встречала осуждения Субботиной даже тогда, когда за войну с Финляндией СССР был признан агрессором и был исключён из Лиги наций. В отличие от многих послереволюционных эмигрантов, возлагавших на немецкий фашизм надежды на освобождение России от большевизма, нападение гитлеровцев на СССР она расценивала как агрессию с целью захвата «жизненного пространства», а никак не стремление освободить её родину от диктатуры большевиков, которых она воспринимала как единственную власть, способную в сложившихся условиях защитить национальные интересы России и укрепить её международный престиж.

После войны, воодушевлённая победой, православная патриотка Бредиус-Субботина, подобно многим эмигрантам, не избежала соблазна репатриации. Однако возвращение не состоялось.

Эпистолярное наследие О. А. Бредиус-Субботиной ценно для нас ещё и тем, что сохраняет для нас образ замечательной русской женщины, демонстрировавшей в изгнании лучшие образцы поведения, свойственные русскому национальному характеру. Нетипичное, по меркам протестантов, её отношение к людям, готовность разделить с гостем или соседом кров, кусок хлеба, вызывало у голландцев симпатию, заставляло вести себя вопреки нормам индивидуалистической культуры.

ТОЛСТОЙ Михаил Никитич

(Россия, Санкт-Петербург)

— доктор физико-математических наук,
член Экспертного совета по вопросам
российского зарубежья
при Комитете по внешним связям
Санкт-Петербурга, председатель
Попечительского совета
БФ имени Ю. Г. Слепухина

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОДРУГИ ВЕРТИНСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ В САН-ФРАНЦИСКО)

В г. Менло Парк (Калифорния, США) обнаружены неизвестные ранее автографы на фотографиях и книге А. Вертинского, обращенные к сестрам Нине и Мусе, чьим другом он себя именуется. Поиск адресатов этих посвящений позволил установить личности и биографии, а также найти многочисленные фотографии сестер Нины и Марии Барсамовых, живших в Шанхае в 1920-х–1940-х годах, с семьей которых дружил А. Вертинский.

Нина Барсамова в 1933 году на международном конкурсе красоты была выбрана «Королевой Шанхая», снималась в Голливуде, затем вернулась в Шанхай, эмигрировала в США и последние годы жизни провела в Сан-Франциско.

Доклад основан на материалах семейного архива дочерей Нины Барсамовой.

ЛИТАВРИНА Марина Геннадиевна
— доктор искусствоведения, профессор.
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
Российский университет
театрального искусства (ГИТИС).

**«Я СЕЙЧАС МОЕЙ СТРАНЕ НЕ НУЖНА...»
(РЕФЛЕКСИЯ РОДИНЫ И ЭМИГРАЦИИ В МЕМУАРАХ
И ПЕРЕПИСКЕ АКТРИСЫ Е. А. ПОЛЕВИЦКОЙ)**

В докладе рассматривается персональная история актрисы-реэмигрантки Е. А. Полевицкой (1881–1973), одной из ярчайших «цариц сцены» Серебряного века, сегодня незаслуженно забытой. Получившая художественное образование в училище барона А. Л. Штиглица и музыкально-драматической школе Е. П. Рапгофа в Петербурге, Полевицкая была одним из артистических «созданий» известного антрепренера Н. Н. Синельникова, переписку с которым она поддерживала в течение всей его жизни (строка из одного письма вынесена в название доклада). Ей равно удавались как роли в русском классическом репертуаре, так и образы женщин новейшей формации в популярных современных мелодрамах. Между тем артистка виртуозного и зрелого мастерства, тонкой психологической нюансировки не нашла своего места в так называемой новой России. В постреволюционные годы бывшая звезда Московского драматического театра подверглась тенденциозной и жестокой критике со стороны левой печати. «Классовое чутье» этих рецензентов быстро определило Полевицкую как «актрису вчерашнего дня». Даже общепризнанный успех ее гастролей в Малом театре в начале 20-х гг. не принес желанного контракта: в свою очередь, коллеги из бывш. Императорского театра просто увидели в ней сильную конкурентку.

Очевидное предательство партнеров, срыв договоренностей, нападки критики и нездоровый климат, а также воцарившийся дух советской конъюнктуры в артистическом кругу — все эти факторы заставили По-

левицкую и ее мужа И. Ф. Шмита покинуть Советскую Россию. Очевидная недооценка творчества Полевицкой стала предметом рефлексии известного театрального критика П. А. Маркова, неоднократно возвращавшегося к этой театральной судьбе в своих статьях 20-х гг. В зарубежье — а точнее, в Германии и Австрии — актриса жила и работала в течение тридцати лет. Полевицкая, свободно владевшая немецким языком и, впоследствии, его различными диалектами, легко адаптировавшаяся к новым условиям, была всегда эстетически открыта, прошла через жесточайший экзамен европейских подмошков и получила по его итогам титул «русской Дузе». В зарубежных библиотеках и архивах находим типографски изданные в 20-х–30-х гг. *Pressestimmen* — сборники рецензий иностранной прессы на выступления Полевицкой.

Оказавшись в Европе в период крутого исторического поворота, Полевицкая сумела найти свою новую творческую нишу — она стала театральным педагогом. Работала в семинаре Макса Рейнгардта. Траектория удачной карьеры в зарубежье была резко сломана приходом фашизма и начавшейся Второй мировой войной: после трагической гибели мужа и режиссера И. Ф. Шмита в Прибалтике, Полевицкая была интернирована и помещена в концлагерь в Деппе. От неминуемой гибели Полевицкую спас ее собственный ученик, актер Г. Грюндгенс, занявший влиятельную позицию в театре в период III Рейха. На протяжении 10 послевоенных лет Полевицкая неоднократно обращалась к властям СССР с просьбой о разрешении вернуться на родину, и эти ходатайства были поддержаны рядом видных народных артистов, в т.ч. В. И. Качаловым.

Как показывают ее автотексты, к этому времени актриса, так же испытывавшая давление творческой конкуренции, сочла свою зарубежную «миссию» исчерпанной, и теперь уже чувствовала, что «не нужна» в Европе. Круг замкнулся. Разрешение на возвращение в СССР сей раз последовало, в период хрущевской оттепели, — но как раз в тот момент, когда зарубежная карьера могла вновь пойти на подъем: одновременно Полевицкая получила приглашение в знаменитый Берлинер Ансамбль от самого Бертольда Брехта.

Реэмиграция Полевицкой в СССР (1955) не позволяет рассматривать воссоединение с родиной исключительно как хэппи-энд. Пожилая реэмигрантка была нежелательна на столичной сцене, допускалась до нее в гомеопатических дозах, хотя в это время все еще отказывались покинуть первое положение и более возрастные советские актрисы (как А. А. Яблочкина). Лишь три года пробыла она в труппе вахтанговского театра на третьих ролях и была отправлена на пенсию. Единственным

утешением были уроки мастерства актера, которые она давала в Щукинском училище. Огромный ресурс творческой личности, жившей исключительно сценой, беспрецедентный опыт русской актрисы в зарубежье, остались во многом невостребованными. Мемуары актрисы (1962) все еще не опубликованы. Между тем, проблема исхода или исторжения из страны неординарных талантливых личностей и сложность их социальной адаптации по возвращении делает осмысление подобного опыта остро-актуальным сегодня.

ЩЕГЛОВА Евгения Петровна

(Россия, Санкт-Петербург)

*— литературный критик, член Союза
российских писателей;
член Союза писателей Санкт-Петербурга,
председатель секции критики
и литературоведения;
главный редактор Российского
института истории искусств*

**НАТАЛЬЯ ИОСИФОВНА ИЛЬИНА:
СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО В ПОСЛЕВОЕННОЙ РОССИИ**

Н. И. Ильина (1914, Петербург – 1994, Москва) — один из самых одаренных русских писателей-мемуаристов, оставившая воспоминания об Анне Ахматовой, Корнее Чуковском, А. Реформатском, А. Твардовском, А. Вергинском, актрисе Е. Корнаковой и др. видных деятелях русской культуры. Но главным образом она известна как превосходный, и поныне непревзойденный мастер литературного фельетона, сотрудничавший в «Новом мире» эпохи А. Твардовского. Перу Н. Ильиной принадлежит и роман «Возвращение», повествующий о судьбе репатриантов послевоенного времени. По рождению Н. И. аристократка, принадлежит к дворянскому роду Ильиных, Воейковых, Мертваго, Толстых. Племянница Н. И., Вероника Жобер, — профессор Сорбонны.

Семья Н. Ильиной эмигрировала в Манчжурию в 1920 г. Наталья Иосифовна жила в Харбине и Шанхае, сотрудничала как фельетонист

в эмигрантских газетах и журналах. В СССР вернулась в 1948 г., где закончила Литературный институт. Первые публикации Ильиной периода возвращения носили отчетливый просоветский характер, что сказалось и на романе «Возвращение», однако очень скоро она поняла подлинный характер власти. В 50–60-е гг. XX века была одним из самых ярких авторов журнала «Крокодил». Но настоящим триумфом Н. Ильиной стало сотрудничество у Твардовского. В годы перестройки фельетоны Н. Ильиной публиковались в «Огоньке», тогдашнем форпосте демократии.

Отличительные черты, как натуры, так и стиля Н. Ильиной — естественность, внутренняя свобода, независимость, достоинство настоящего русского интеллигента, демократа, носителя дворянской культуры. Она всегда жила в ладу с совестью.

В докладе рассматриваются и эволюция мировоззрения Натальи Ильиной, и ее связи с репатриантами второй волны.

ЯКОВЛЕВА Елена Пантелеевна

(Россия, Санкт-Петербург)

— доктор искусствоведения, профессор.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ЭМИГРАЦИЯ И РЕЭМИГРАЦИЯ ХУДОЖНИКА ВАСИЛИЯ ШУХАЕВА

В докладе, основанном на документальных, литературных и художественных материалах, освещается важный этап в жизни и творчестве известного русского художника, заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР Василия Ивановича Шухаева (1887–1973). Этот этап связан с его эмиграцией в Финляндию (1920), а затем во Францию (1921), с пребыванием на чужбине и реэмиграцией в Советский Союз (1935).

Особое внимание уделено мотивации отъезда художника за границу и

его возвращению на родину, освещению разных видов творческой деятельности и парижскому окружению Шухаева.

В докладе проанализирована роль ностальгии художника по родине, усиленная настойчивыми уговорами деятелей советского искусства и обещаниями интересной творческой работы. Показана также расплата за эмиграцию — необоснованный арест и восьмилетняя ссылка на Колыму (1937–1945).

ЩЕБЛЫГИНА Ирина Васильевна

(Россия, Москва)

*— кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник.*

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

СОБРАТЬ И СОХРАНИТЬ ДЛЯ РОССИИ: В. Ф. БУЛГАКОВ И РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В ПРАГЕ

Актуальность темы культурного наследия русской эмиграции первой волны вполне закономерна. Богатый пласт отечественной культуры, созданный ею в зарубежье в период между двумя мировыми войнами, является неотъемлемой частью русской культуры XX века. Хранителями национальной культурной традиции во все времена являются музеи. Таким музеем был и Русский культурно-исторический музей в Праге. Его история рассматривается в контексте личной судьбы В. Ф. Булгакова — создателя и директора музея. Впервые освещаются результаты научно-исследовательской работы по выявлению и реконструкции художественной коллекции музея, вернувшейся на родину после Второй мировой войны.

В. Ф. Булгаков — писатель, литературовед, последний личный секретарь Л. Н. Толстого. По поручению Толстовского общества в 1912–

1916 г. занимался описанием библиотеки писателя в Ясной Поляне. С 1916 по 1923 г. был хранителем, а затем директором государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. При его активном участии в 1921 г. был открыт дом-музей Толстого в Хамовниках. В 1921–1922 гг. работал товарищем председателя Комитета помощи голодающим. В силу своих убеждений открыто выступал против террора и гражданской войны. В 1923 г. был выслан вместе с семьей за границу сроком на три года, растянувшиеся на долгие 25 лет эмиграции.

Годы эмиграции Булгаков прожил в Праге — крупном научном и культурном центре русского Зарубежья в 1920–1930-е годы. Здесь он занимается культурно-просветительской и литературно-общественной деятельностью. Ездит по всему зарубежью с лекциями о Л. Н. Толстом, участвует в антивоенных социальных движениях, избирается председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Но главным делом его жизни в эмиграции стал Русский культурно-исторический музей в Праге (РКИМ), создателем и директором которого он был.

РКИМ (1933–1944) — первый русский национальный музей за рубежом, был создан на средства эмиграции при Русском свободном университете в Праге. Главную задачу создатели музея видели в собирании и сохранении результатов культурного творчества эмиграции. Музей носил временный характер и намеревался в будущем перенести все коллекции в Россию, как национальное достояние.

Научная, просветительская, собирательская деятельность РКИМ была широка и разнообразна. За девять лет своего существования музей собрал богатую коллекцию по истории и культуре русского зарубежья. Было создано несколько отделений: художественное, архитектурное, русской старины, научно-литературное, истории эмиграции, пушкинское и театральное, библиотека музея насчитывала около 5 000 книг.

Наиболее ценной частью музейного собрания была художественная коллекция, включавшая в себя около четырехсот полотен ста зарубежных русских мастеров. В 1939 г. был издан альбом-каталог художественного собрания, составленный В. Булгаковым и А. Юпатовым «Русское искусство за рубежом». Это издание не только знакомило широкие круги русской эмиграции и западной культурной общественности с художественной коллекцией пражского музея, но и явилось, в результате, уникальным источником для исследователей художественного наследия русского зарубежья.

Музей значительно пострадал в годы Второй мировой войны. Часть сохранившихся коллекций удалось, во многом благодаря Булгакову, вывезти в СССР. В 1946 г. на родину были отправлены архив и библиотека

музея («Архив Булгакова»), в 1948 г. домой вернулась и уцелевшая часть художественной коллекции. В 1949 г. вернулся на родину вместе с семьей В. Ф. Булгаков и до конца своих дней (умер в 1966 г.) работал и жил в Ясной Поляне.

Художественная коллекция РКИМ по возвращении была распределена между музеями и архивами, но при этом утрачена как целостное собрание и забыта на долгие годы. Научно-исследовательская работа по ее реконструкции позволила выявить 130 работ (из 150, отправленных в Россию в 1948 г.) русских зарубежных мастеров. Воссозданная художественная коллекция РКИМ в Праге, вернувшаяся на Родину, будет показана на выставке, которая откроется 19 мая 2015 г. в залах Государственной Третьяковской галереи и будет называться «Сохранить для России. К 80-летию создания Русского культурно-исторического музея в Праге».

Секция III. «ЭМИГРАЦИЯ И РЕПАТРИАЦИЯ: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ».

Место проведения :
МУЗЕЙ-УСАДЬБА «РОЖДЕСТВЕНО»
(Ленинградская область, Гатчинский район,
село Рождествено, Большой проспект).

БОНДАРЕНКО Алексей Анатольевич
(Россия, Санкт-Петербург)
– кандидат физико-математических наук,
директор Музея-института семьи Рерихов;

МЕЛЬНИКОВ Владимир Леонидович
(Россия, Санкт-Петербург)
– кандидат культурологических наук,
заместитель директора по научной работе
Музея-института семьи Рерихов.

РЕРИХИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ РЕРИХ.

С середины 1930-х до середины 1950-х гг. Ю. Н. Рерих жил преимущественно в Индии, вёл обширную научную работу в Гималайском исследовательском институте «Урусвати», преподавал в университете в Калимпонге, продолжал экспедиционную деятельность в Индии, Тибете и Китае, обрабатывал данные экспедиций, составлял «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями», писал научные труды.

Сквозь все эти годы он пронёс глубочайшую любовь к России. Боль за судьбу Отечества ярко выразилась в том, что летом 1941 г., когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, Юрий Николаевич и Святослав Николаевич немедленно послали телеграмму в Лондон И. М. Майскому, советскому послу в Англии, с просьбой зачислить их добровольцами в ряды Красной армии.

В августе 1957 г. осуществилась мечта Юрия Николаевича: по приглашению Н. С. Хрущёва он вернулся на Родину, возглавил Сектор

истории религии и философии Индии в Институте востоковедения АН СССР, руководил работами по изучению, переводу и публикации древних философских памятников народов Востока, продолжал собственные научные изыскания. В Москве он успел опубликовать несколько работ, внёсших большой вклад в отечественное востоковедение. За короткий срок Юрию Николаевичу удалось в значительной мере возродить отрасли классической индологии, оживить интерес к ней широких кругов учёных в смежных дисциплинах.

Ю. Н. Рерих организовал преподавание тибетского языка и изучение тибетских источников. Он фактически возглавил исследования в области монгольского источниковедения и истории Монголии. В связи с этим нельзя не отметить работу Ю. Н. Рериха по изучению монгольской тибетоязычной литературы, значительно расширяющей круг источников по истории Монголии.

Ю. Н. Рерих в течение четверти века работал над созданием «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями». Уже после смерти Ю. Н. Рериха в 1961 г. в Москве увидел свет составленный им учебник «Тибетский язык».

Ю. Н. Рерих оживил работу по переводу древних философских и литературных источников и начал преподавание санскрита. Он был инициатором возрождения и членом редколлегии серии «*Bibliotheca Buddhica*».

За неполных три года, что он прожил на Родине после возвращения, Ю. Н. Рерих сумел воспитать плеяду молодых учёных-индологов и тибетологов, плодотворно работавших в намеченных им направлениях.

Не менее важной задачей, чем возрождение школы индологии и тибетологии в России, было возвращение Родине наследия Рерихов. Юрий Николаевич Рерих привёз с собой сотни картин своего отца, архив Центральноазиатской экспедиции, обширную библиотеку, включавшую сотни манускриптов на восточных языках, часть фамильных коллекций (буддийская живопись, древняя бронза и др.), два машинописных комплекта «записных листов» Н. К. Рериха «Моя жизнь», личные вещи Н. К. и Е. И. Рерихов.

12 апреля 1958 г. в Москве, в выставочном зале на Кузнецком мосту, впервые за долгий период забвения открылась выставка полотен Н. К. Рериха, подготовленная Ю. Н. Рерихом. В этом же году Юрий Николаевич издал в журнале «Октябрь» первую подборку статей из «Моей жизни» Н. К. Рериха. Искусствоведом Русского музея В. П. Князевой при его содействии была написана монография о творчестве Н. К. Рериха, вышедшая уже после его смерти в 1963 г.

Важнейшей задачей в сохранении наследия семьи Ю. Н. Рерих считал создание рериховских музеев в родном городе — Ленинграде, и в ближайшем к Алтаю крупном культурном центре — Новосибирске. О создании этих музеев Юрий Николаевич вёл продолжительные переговоры с высокопоставленными чиновниками Советского правительства. Основу их экспозиций должны были составить художественные произведения, вещи и документы из огромного собрания, привезённого Ю. Н. Рерихом в Советский Союз, а также мемориальные предметы из их бывшей квартиры на Мойке, д. 83, сохранённые в Ленинграде семьёй Митусовых. Однако внезапная кончина Ю. Н. Рериха 21 мая 1960 г. помешала скорому осуществлению этих планов.

В Новосибирске возведение рериховского музея началось в 1997 г. С 7 октября 2007 г. Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества открыл двери для посетителей в полностью реконструированном и приспособленном здании в центре города. В Ленинграде – Санкт-Петербурге планы Юрия Николаевича удалось реализовать в 2001 г. при поддержке культурных и научных организаций культурной столицы. Людмила Степановна Митусова, страстно стремившаяся воплотить в жизнь проект троюродного брата, наконец, смогла основать Музей-институт семьи Рерихов. 16 сентября 2005 г. рериховский музей в родном городе Рерихов открыл свои двери в здании на Васильевском острове.

ЛЕЙКИНД Олег Леонидович
(Россия, Санкт-Петербург)
— программный директор Фонда
имени Д. С. Лихачева;

СЕВЕРЮХИН Дмитрий Яковлевич
(Россия, Санкт-Петербург)
— доктор искусствоведения, профессор
Российского государственного
педагогического университета
имени А. И. Герцена,
сотрудник Фонда имени Д. С. Лихачева.

РЕПАТРИАЦИЯ ХУДОЖНИКОВ В СССР: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Многолетний труд по созданию биографического словаря «Художники Русского зарубежья», имеющегося теперь в электронной версии (www.arttz.ru), позволил нам составить около 1 600 биографий деятелей русского искусства, оказавшихся за рубежом после революции 1917 года и Гражданской войны. Художники оказались в числе сотен тысяч российских эмигрантов, нашедших прибежище в разных странах, но сохранивших память об отечестве и русские культурные традиции.

Необратимый характер эмиграции стал очевиден далеко не сразу, и в первые послереволюционные годы многие беженцы жили надеждами на скорое возвращение. Однако укрепление советского режима с его классово-идеологической непримиримостью и признание СССР ведущими западными державами вскоре развеяли эти иллюзии.

Между тем, в многолетней истории Русского зарубежья имело место немало случаев репатриации – возвращения эмигрантов на родину, что могло диктоваться причинами как общеполитического, так и сугубо личного характера. Среди вернувшихся были художники и архитекторы, в том числе те, кто за рубежом успел добиться признания и материальной обеспеченности.

Художников-репатриантов условно можно свести к четырем основным группам.

Первую группу репатриантов составили художники, добровольно вернувшиеся в СССР из стран Западной Европы во второй половине 1930-х годов. Это были, преимущественно, лица, искренне поверившие в благополучие и успешность развития культуры в СССР, видевшие в новой

России собственные творческие перспективы и не имевшие идеологического отторжения от коммунистических идей.

Вторую группу репатриации составили художники, принудительно возвращенные в СССР в 1945–1947 гг. из занятых советскими войсками европейских стран и Северо-Восточного Китая.

К этому же послевоенному периоду относится и небольшая третья группа художников-репатриантов, которую составили лица, добровольно пожелавшие вернуться на родину из разных стран. Тогда среди русских художников, живших за границей, многие были охвачены патриотическими чувствами, благодатную почву для которых давало победоносное для СССР завершение войны, а кроме того — поддержанная левыми политическими партиями просоветская пропаганда, с небывалой активностью развернувшаяся на последнем этапе войны в освобождаемых от нацизма странах.

Четвертую группу репатриантов составили художники, вернувшиеся на родину в 1950–1960-е годы — в годы «оттепели», наступившей после смерти Сталина.

Наш историко-биографический обзор позволяет сделать несколько выводов:

1. Подавляющее число художников и архитекторов-эмигрантов первой волны остались за границей, отказавшись от возможностей репатриации, которые возникали на разных этапах советской истории. Из общего числа выявленных нами художников-эмигрантов добровольно репатриировались не более четырех десятков (менее 2,5%), еще столько же было возвращено принудительно.

2. В годы правления Сталина большинство художников-репатриантов, как принудительных, так и добровольных, прошло через репрессии, некоторые бесследно сгинули в лагерях, иные вынуждены были жить в глубокой провинции, не имея шансов реализовать свои творческие возможности.

3. Ценой репатриации и ценой сохранения в СССР профессионального статуса, как правило, являлась подчеркнутая лояльность к советскому политическому режиму — создание портретов вождей, произведений на политические темы, выступления с обличительными заявлениями в адрес западного искусства.

4. Лишь немногим репатриантам довелось изведать в СССР признание, соответствующее их таланту, причем это происходило уже в годы «оттепели».

5. Репатриация художников, получивших образование и творческий опыт за границей, казалось бы, могла обогатить отечественное искусство новыми эстетическими веяниями. На деле же художники-репатрианты были вынуждены подчинить свое творчество канонам соцреализма и, за редким исключением, не смогли продемонстрировать свой потенциал.

6. Репатрианты не стали «мостом», способствовавшим узнаванию и признанию в СССР богатейшего художественного наследия Русского зарубежья, которое в течение десятилетий было отторгнуто от отечественной культуры. Эту роль предстояло взять на себя иным людям в более поздние годы.

Изучение биографий и творчества художников-репатриантов открывает еще одну драматическую главу в истории отечественной культуры — главу, всестороннее осмысление которой требует совместных усилий историков и искусствоведов.

СТЕПАНОВ Станислав Вячеславович
(Россия, Санкт-Петербург)
— библиотекарь, Центральная
городская публичная
библиотека им. В. В. Маяковского

ГАТЧИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ Н. Н. КАРПОВ: ЖИЗНЬ В РОССИИ И ЭМИГРАЦИИ

В общероссийском потоке пореволюционной эмиграции отдельную страницу истории занимает отъезд граждан с территории столичной губернии Российской империи — Петроградской губернии (ныне Ленинградской области). Образование в 1918 г. независимых Финляндии, Эстонии и Латвии поставило губернию в пограничное положение в новом государстве. Государственная граница с независимыми бывшими частями империи пролегла близ сел и городов губернии.

Доклад посвящен жизни и творчеству публициста и писателя Н. Н. Карпова, жившего до 1917 г. в городе Гатчина Петербургской губернии.

Н. Н. Карпов родился 18 ноября 1877 г. в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян. Образование получил в пансионе М. О. Штейнберг, затем воспитывался в Первом кадетском корпусе. В юности занимался му-

зыкой, играл на виолончели, пел, обладая сильным тенором. Однако из-за хронической болезни горла карьеру певца пришлось оставить .

Литературную деятельность Карпов начал в 1903 г. в ежедневной газете «Заря», в которой был секретарем редакции. В 1903 г. совместно с известным искусствоведом, театроведом И. Н. Божеяровым (1852–1919) предпринял издание «Иллюстрированной истории русского театра XIX века. Т. 1–2» (СПб., 1903), в силу возникшего несогласия после первой книги авторы прекратили издание. Наиболее активно стал печататься в 1904 г. Издавал журнал «Приорат» (Гатчина, 1911). Его книги продавались в книжных магазинах в Петербурге («Нового времени», «Новостей, Вольфа и других), Киеве (Идзиковского) а также в редакции газеты «Новый край» (Харбин) и посредством «Контрагентства А. С. Суворина» на станциях железных дорог.

В начале XX века Н. Н. Карпов в петербургском свете был известен как литератор, член Императорского Русского театрального общества и союза драматических и музыкальных деятелей.

В 1919 г. он вступил в Северо-Западную армию, оказался на территории Эстонии, в 1930-е гг. переехал в Бельгию. В эмиграции продолжил журналистскую деятельность, став известным русским журналистом Эстонии, затем Бельгии.

Н. Н. Карпов скончался 21 марта 1942 г. в Брюсселе, похоронен на кладбище Юккль ¹.

В истории российской эмиграции «первой волны» остается малоизученной тема происхождения, состава, количества эмигрантов на территории бывшей Петербургской губернии (Нарве и Ивангороде), не изучены персоналии состава «гатчинского потока» эмиграции. Доклад приоткрывает завесу над одной из интересных личностей дореволюционной России и Русского Зарубежья Эстонии и Бельгии.

¹ Некролог, см.: Новое слово (Берлин). 1942. № 29 (Незабытые могилы). Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 в шести томах. Т. 3. М., 2001. С. 210).

ТЕЗИСЫ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

АНДРУШКЕВИЧ Игорь Николаевич
(Аргентина, Буэнос-Айрес)
— общественный и политический деятель
Русского Зарубежья, политолог, журналист
председатель «Объединения кадет
Российских кадетских корпусов
в Аргентине»

ВСЯ ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Доклад представлен в форме мемуаров, представляющих фундаментальное исследование судеб русской эмиграции в XX веке, ее предназначения и деятельности. Написанное от лица невольного эмигранта, живущего за границей с детства (И. Н. Андрушкевич был вывезен за границу родителями – белыми эмигрантами) и по сей день, исследование во многом объединяет все три направления Конференции и объясняет многие проблемы Русского зарубежья, прозвучавшие в докладах.

Подробнее см. в блоге И. Н. Андрушкевича:
http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/p/blog-page_19.html

САБЕННИКОВА Ирина Вячеславовна

(Россия, Москва)

*— доктор исторических наук,
заведующий сектором использования
архивных документов*

*Всероссийского научно-исследовательского
института документоведения
и архивного дела.*

АРХИВЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Архивное наследие русского эмигрантского зарубежья является важнейшей составной частью культурного наследия России. В хранилищах США, Германии, Франции, Италии, Чехии, Болгарии, Китая, Польши, Великобритании и ряда других стран отложились документы всех «волн» российской эмиграции. Среди них как вывезенные из России, так и возникшие в процессе деятельности частных лиц и эмигрантских организаций. Особенности формирования основных центров русской эмиграции оказали влияние на размещение, состав и функционирование архивов российского зарубежья, а также последующую динамику их использования и изучения.

Постреволюционная, наиболее массовая по численности волна политических беженцев из России создала полноценную русскую диаспору — Русское Зарубежье, которое структурно распадалось на четыре относительно самостоятельных, но организационно и духовно связанных между собой части. Значительное число интеллигенции среди беженцев из России, сознательно посвятившей годы изгнания сохранению своей национальной культуры, позволило русскому этническому сообществу в Европе не только выжить, но сберечь и развить национальную культуру.

Жизнь российской эмиграции этого периода характеризуется таким уникальным явлением как сохранение и собирание культурного наследия эмиграции, в том числе ее архивов. Наши соотечественники, находящиеся на чужбине, создавали общественные и частные архивы, музеи, собравшие в своих фондах уникальные свидетельства жизни «второй России».

К концу 1930-х гг. вне СССР существовало 14 музеев и 10 архивов, организованных русской эмиграцией. Основу ряда из них составили коллекции материалов, вывезенных из России. Координация сбора, хранения и издания эмигрантских документов начала осуществляться с 1923 г. под руководством Земгора на базе Архива русской эмиграции (с 1924 г. — Русский заграничный исторический архив).

Эмигрантские архивы возникли как отражение глубокой потребности в осмыслении русским зарубежьем своего места в мировой цивилизации, как стремление преодолеть кризис культурной и национальной самоидентификации в сложных условиях эмиграции. В этом своем качестве архивы сыграли важнейшую роль в обеспечении преемственности культурной традиции, разорванной революцией и десятилетиями авторитарного режима. В архивных документах отразились культурные и научные достижения представителей российской эмиграции, ее существование как целостной социокультурной системы, деятельность основных культурных, образовательных, политических центров эмиграции, осмысление причин и следствий революции. Вопрос о контроле над архивами имел значение для легитимации положения эмигрантских центров как правопреемников всей русской эмиграции. С течением времени (когда непосредственные социальные и политические функции эмигрантских центров ослабевают) усиливается значение культурной деятельности и меняется социальная функция эмигрантских архивов — они становятся средством социализации и связи поколений.

Исследование архивов русской эмиграции, сохраненных ими документов важно не только для полноценного изучения истории России как целостного явления, но также и для построения межкультурных, межэтнических и межрелигиозных отношений на современном историческом этапе.

КОСТЕНКО Диана Евгеньевна
(Россия, Ставрополь)

— соискатель ученой степени кандидата
филологических наук.

Северо-Кавказский федеральный университет.

ЭМИГРАЦИЯ КАК ПРИЧИНА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В РОМАНАХ «МАШЕНЬКА» В. НАБОКОВА И «ВЕЧЕР У КЛЭР» Г. ГАЗДАНОВА.

Младшее поколение русских писателей-эмигрантов занимает в литературе русской эмиграции первой волны совершенно особое место. Будучи подростками, а некоторые — даже детьми, они становятся свидетелями, зачастую более того — участниками трагических для России исторических событий XX века, изменивших ход всей мировой истории.

Для значительной части этого поколения революция и Гражданская война стали не только серьезным потрясением, но и толчком к формированию нового типа личности с ярко выраженными экзистенциальными чертами и склонностью к рефлексии, и этот опыт оказал едва ли не определяющее влияние на их творчество.

Мы рассматриваем особенности литературы экзистенциального характера на примере двух выдающихся писателей поколения «эмигрантских сыновей»: В. Набокова и Г. Газданова. Их романы «Машенька» и «Вечер у Клэр» представляются нам яркими примерами духовных поисков персонажей, воплотивших многие черты и детали биографии авторов и типичное для всего поколения состояние экзистенциального кризиса.

Главных героев набоковской «Машеньки» и «Вечера у Клэр» Газданова роднит ощущение бездомности, чувство безысходности и вечный поиск невозможного покоя. Если внимательно рассматривать тексты обоих писателей, становится очевидным, что в них ставятся все основные вопросы экзистенциализма.

В творчестве обоих писателей, как и в творчестве многих писателей-младоземigrants мы явственно наблюдаем переход в новую литературную эру, начало формирования поэтики постмодернизма в противовес модернизму, который лежит в основе формы, композиции и эстетики русской литературы Серебряного века.

Библиография:

1. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Пер. с англ. Т. Салбиева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманист. исслед., 1995.
 2. Шаховская З. В поисках Набокова // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения.
 3. Газданов Г. Вечер у Клэр. Возвращение Будды: романы / Гайто Газданов. – Спб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – (Азбука – классика).
 4. Набоков В. Машенька: роман / Владимир Набоков. – Спб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 2014. – (Азбука-классика).
 5. Набоков В. Другие берега: Роман. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013.
-

ПОГРЕБНАЯ Яна Всеволодовна

(Россия, Ставрополь)

— доктор филологических наук, профессор.

Ставропольский государственный педагогический институт.

РАЙ И ВЕЧНОСТЬ В ЛИРИКЕ В. В. НАБОВОКОВА: ДИСТРИБУЦИЯ И АТТРИБУЦИЯ

В онтологии и эстетике В. Набокова антагонизм времени и вечности реализуется в осознании вечности как бытия запредельного.

В лекции «Искусство литературы и здравый смысл» Набоков подчеркивает, что для творческого (т.е. иррационального, сугубо оригинального) сознания множественность миров и соответствующих им метаморфоз индивида существует априори: «Мысль, что жизнь человека есть не более чем первый выпуск серийной души и что тайна индивида не пропадает с его физическим разложением в земле, становится чем-то большим, нежели оптимистическим предположением, и даже большим, нежели религиозная вера, если мы будем помнить, что один лишь здравый смысл исключает возможность бессмертия»[2; с.69].

Автобиографический роман «Другие берега» В. В. Набоков начинает с определения понятия времени, применительно к конкретной человеческой жизни. Земное время, независимо от его формы, В. Набоков определяет как «глухую стену», «круглую крепость», окружающую жизнь, как непреодолимую преграду на пути к вечности, раскинувшейся по обе стороны земного бытия. Земная жизнь представляется Набоковым как «только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями», причем «разницы в их черноте нет никакой»[3; т.2, с.135–136]. В стихотворении «Я думаю о ней, о девочке, о дальней...» Набоков обращается к той же метафоре – стены, семантизирующей в предметном образе идею разделения или преграды между одним качественным состоянием бытия и иным, между временем и вечностью: «О Боже! Я готов за вечными стенами неис-

числимые страдания воспрять»[5; с.164]. Переход из времени в вечность в лирике В. Набокова репрезентируется через метафору открываемой двери. В стихотворении «Ю. Р.» /1919/ читаем: «Дверь черную в последний час // мы распахнем легко и смело»[5;с.56]. Ту же метафору находим в стихотворении «О, как ты рвешься в путь крылатый» /1923/: «Смерть громыхнет тугим засовом // и в вечность выпустит тебя»[5; с.344]. В стихотворении «Новый год» двенадцать месяцев уходящего года изображаются через метафору закрывающихся дверей: «И звонко в тишине холодной // захлопнулись поочередно // двенадцать маленьких дверей...»[5; с.55].

Вечность наступает, таким образом, когда завершается земное время, измеряющее материально наличное, физическое бытие-в-мире. Это традиционное соотношение времени и вечности как взаимоисключающих, не существующих синхронически феноменов воплощается в лирике В. Набокова в парадигме концептуального понятия, синонимичного вечности — загробного бытия в раю. В инициальной строке раннего стихотворения «В раю» /1920/ звучит приветствие: «Здравствуй, смерть!»[5; с.131]. В стихотворении «Гекзаметры» /1923/, посвященном В.Д. Набокову, смерть воссоздается через метафору пробуждения: «Смерть — это утренний луч, пробужденье весеннее»[5; с. 336]. Семантический объем понятия смерть, таким образом, охватывает противоположные категории конца и начала, смерть выступает завершением одной формы бытия и одновременно началом другой, не воплощаемой в земном теле и не измеряемой земным временем. Поэтому смерть, обретая семантический статус начала, изображается через строй метафор: весеннее пробуждение, утренний луч, интегрированных семантическим признаком начала: утро открывает земной день, наступление весны знаменует пробужденье природы. Переход за границы земного бытия означает открытие истины, сокровенной тайны индивида.

Однако в стихотворении «В раю» обретенная вечность наделяется признаками земного бытия. Рай открывается после смерти, но выступает продолжением земного бытия. Дверь, открываемая в рай и вечность, оказывается дверью родного дома: «Я рванусь и в чаще найду // прежний дом мой земной, и, как прежде, // дверь заплачет, когда я войду»[5; с. 131]. Райская вечность выступает как константа некоторого момента прожитой земной жизни, только момент этот есть и будет длиться, никогда не завершаясь. «Буду снова земным поэтом, на столе раскрыта тетрадь,» — так представляет Набоков предназначенную ему вечность[5; с. 131].

Обретение рая изображается и как возвращение к конкретному моменту земного бытия: «Вдохновенье я вспомню, и ангелам бледным // я скажу: отпустите меня! // ... и мечтами я там, где ребенком влюбленным // и ликующим богом я был!» («Эту жизнь я люблю иступленной любовью»[5; с. 65]).

Но позже образ рая утрачивает земные приметы. В стихотворении «Белый рай» он определяется как «широкая, пустая, оснеженная страна» [5; с. 157], в стихотворении «Комната» сопровождается эпитетом «голый» [5; с. 247], а посмертная метаморфоза делает невозможным продолжение земных занятий: «но только нет журнала и нет читателей в раю» («В раю») [5; с. 244]. Продолжение земных любимых занятий или оказывается невозможным или сменяется на иную форму жизни: «Там блаженствовать я буду // в блеске сети ледяной // ... на лучистых, легких лыжах // реять с белых гор» [5; с. 157]. В романе «Защита Лужина» герою, уходящему в небытие, предстает реальность шахматной доски, вечность выступает продолжением земной жизни, знаменует невозможность выхода из единственной реальности, соответствующей герою — игры в шахматы. Но в рассказе «Соглядатай» безмянный герой после смерти обращается в загадочного Смурова, обретая новую фамилию и новый социальный статус: Кашмарин, в прошлой жизни избивший героя, теперь протягивает ему руку. Амбивалентность бытия-в-вечности определяется противоречивым соотношением времени и вечности в эстетике и онтологии В. Набокова.

Вечность локализована не только в области запредельного, по ту сторону «круглой крепости», или за стеной земной жизни. В тезаурусе Набокова категория вечности интегрирует не только запредельное, но и невозвратное, т.е. прошлое, как историческое, общечеловеческое, так и сугубо индивидуальное. «Улыбка вечности» прочитывается в отметинах на кирпичках, обожженных за «одинадцать веков до звездной ночи в Вифлееме» («Кирпичи») [5; с. 216], «медленный глагол» вечности волнует путника перед пирамидами [5; с. 60], но вечность локализована и в человеческой памяти. Стихотворение «Весна» завершается формульным определением тождества вечности и памяти:

живут мои воспоминанья
в какой-то неземной тиши:
бессмертно, все, что невозвратно,
и в этой вечности обратной
блаженство гордое души [5; с. 243].

Вечность, отнесенная в прошлое, уже не обладает таким качеством вечности запредельной, наступающей после смерти, как невозможность возвращения в земное время. Вечность воспоминания или погруженности в былое приостанавливает течение земного времени, но не отменяет его. В стихотворении «Сон на Акрополе» герой погружается в воспоминание о юности, русской деревне, отменяя и земное время, сопряженное с

внешней реальностью, и реальность прошлого в форме общечеловеческих исторических и мифологических воспоминаний. Выход в реальность воспоминания сопряжен с обретением иного пространства, изменение времени влечет изменение места.

Набоков отказывает времени земной жизни в абсолютном конце, подвергает сомнению саму посмертную метаморфозу и возможность выхода за пределы земного времени, показывая, как конец бытия возвращает к его началу.

Библиография

1. Дашевская О. А. Мифологема рая в лирике В. Набокова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 2. В. Набоков в контексте русской литературы XX века. – Томск, 2000.
2. Набоков В. В. Искусство литературы и здравый смысл // Владимир Набоков. Неизданное в России // Звезда, 1996. – № 11.
3. Набоков В. В. Собр. соч. в 4 т. – М., 1990.
4. Набоков В. В. Собр. соч. амер. периода в 5 т. – СПб., 1999.
5. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. – М., 1991.

ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ КАК КОНСТРУКТИВНАЯ ОСНОВА РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ПОДВИГ»

«Подвиг» был написан Набоковым в Берлине в 1930 году, это четвертый роман на русском языке, на английский язык роман был переведен в 1971, последним из русских романов Набокова, переводу предпослано авторское предисловие, направленное на установление взаимосвязи романа с другими набоковскими произведениями: «Как соотносятся главные герои «Gloгу» с персонажами других моих четырнадцати русских и американских романов? — может спросить любитель общедоступной литературы» [7, с.71]. Несмотря на иронический отсыл к «общедоступной литературе», Набоков начинает предисловие тем, что выстраивает хронологическую парадигму своих «русских» романов. В интервью А. Аппелю (1966) Набоков указывает: «Вещь эта — о преодолении страха, о триумфе и блаженстве этого подвига» [8, т.2. с.716]. В набоковиане сложность и значительность романа осознаны в полной мере глубоко и разносторонне.

Событийная канва романа организована хронологически последовательно, но слово «подвиг», характеризующее поступок Мартына, приносится только в конце романа и, таким образом, возвращает к его названию, к началу, придавая сюжету статус замкнутой циклической формы.

Путь Мартына, организующий сюжет романа, направлен на преодоление границы между двумя мирами как пространственной — Советская Россия — Западный мир, так и мифологической — мир воображения — выдуманная Мартыном Зоорландия — мир действительный — современные Россия и Европа. Сам Мартын держит свою судьбу перед собой как книгу, возвращаясь мысленно и пространственно к уже пережитым событиям, а образ Софьи Дмитриевны, читающей письма Мартына (эпистолярный его жизни — письма Мартына не образны, а подчеркнута информативны), вынесен за пространственно-временные границы романа в «абстрактное будущее».

Сама придуманная Мартыном и Соней Зоорландия — обобщающий миф о диктатуре. Соня накануне рождения Зоорландии замечает, что «она тоже об этом часто думает: вот есть на свете страна, куда вход простым смертным запрещен» [6, т. 2, с.255]), в ответ на вопрос Мартына, какое дать название стране, отвечает: «Что-нибудь такое — северное...» Мартын предлагает название «Зоорландия». В конечном счете к тому, чтобы войти в мир, сотворенный его воображением, направлен весь путь Мартына, его героическое самоосуществление.

Если сам обряд инициации экстраполировать в типологическую сюжетную схему: «выход из дома — временная смерть, движение по чужому пространству — возрождение, возвращение домой в новом качестве», то возможна прямая аналогия с этапными определяющими точками судьбы Мартына: выход из дома (сначала Крым, потом Европа), движение по чужому пространству и постепенное обретение себя, возвращение домой (в мир своего детства — огни Молиньяка, а потом — в Россию-Зоорландию); то становится очевидной исчерпанность сюжета романа.

В противовес солнечному лесу, в котором Зоорландия была придумана, страна задумана «как скалистая, ветреная». Вместе с тем, Зоорландия — обобщение зооморфных метафор, характеризующих людей, окружающих Мартына, в том числе и Соню, и самого Мартына в аспекте, кодирующем его происхождение (брак Индриковой и Эдельвейса). Зоорландия, таким образом, конституируется как квинтэссенция ощущений и впечатлений Мартына, идущих, с одной стороны из мира темпорально организованного пространства, в котором длится внешняя физическая судьба героя, с другой, образ антимира исходит из общих признаков диктаторского государства, соотносимых с Советской Россией, как инвариантом диктатуры, синхронически пребывающей в том же потоке линейного времени, что и мир Мартына.

Обобщенно-символический образ Зоорландии внутренне противоречив: сначала страна задумана как скалистая, позже Мартын представляет зоор-

ландскую ночь «еще темнее, дебри ее лесов еще глубже» [6, т. 2, с. 258], Грузинов, играя с картой Мартына, рассказывает, как его приятель, тоже «по страшному совпадению Коля» один раз перешел границу лесом — «очень густой лес, — Рогожинский» [6, т. 2, с. 276]. Мир вымышленный накладывается на мир действительности по принципу пространственного совмещения. Позже мир Зоорландии наделяется не только чертами социальной диктатуры, но и потусторонними.

Меняющийся образ Зоорландии соотносим с меняющимся потоком переживаний Мартына, мир вымысла Мартына развивается вместе с ним, причем, в постоянном соотношении с конкретными случаями из мира внешней темпоральности: когда Мартын от супруги Грузинова слышит обобщение судьбы Ирины, искалеченной во время октябрьского переворота, зоорландская ночь кажется ему еще темнее, а скалистое пространство меняется на образ густого леса, в который Мартын твердо решает проникнуть.

Учитывая стремление Мартына войти в мир, уже знакомый по переживаниям в детстве впечатлениям (так он ищет в Берлине город своего детства, так совершает путешествие к таинственным огням на юге Франции), его нелегальное возвращение в Россию повторяет возвращение домой из детского путешествия в Биарриц и Берлин. Путь Мартына в Зоорландию — это движение к собственному началу, возвращение в собственный утраченный мир прошлого. Заданные в начале романа темы и образы получают объяснение в конце — таинственная фраза Лиды о том, что грузины не едят мороженого [6, т. 2, с. 162], получает объяснение при встрече Мартына с Грузиновым, когда тот произносит: «Я все равно никогда мороженого не ем» [6, т. 2, с. 277]. Причем, фраза Лиды прозвучала во сне Мартына, который видит себя в классе не знающим урока, так и на вопросы конспиратора Грузинова о том, как и где пересечь границу, Мартын не может дать ответа. В предисловии к переводу романа на английский язык Набоков характеризует своего героя как редкого человека, чьи «сны сбываются» [7, с. 72].

Мартын своим нелогичным, безумным поступком, лишенным политических целей, просто утверждает право свободного человека на осуществление своей свободы и уже этим опровергает и диктатуру и расчеловечивание как ее неизбежное следствие. Уже эта обретенная и осуществленная Мартыном свобода, связанная с возможностью преодоления не только временных, но пространственных границ (путь в Зоорландию), синонимична преодолению смерти. В «Предисловии» к переводу романа на английский язык, Набоков подчеркивает, что интерес «Подвига» состоит не в установлении параллелей между автором и героем и не в поиске историче-

ских прототипов у действующих лиц романа, а «в переключке и связи незначительных событий, в колебаниях туда-сюда, создающих впечатление импульса: в видении из давнего прошлого...или в промелькнувшем образе матери Мартына, грустящей за пределами пространственно-временных границ романа в абстрактном будущем, о котором читатель может только гадать...» [7, с.74].

Инициация героя осуществляется, но внешние события не отмечают совершение ее этапов: Мартын не женился, не социализировался, не стал отцом, не стал героем в традиционном понимании (не сбежал на Гражданскую войну), внутренне однако каждый этап состоялся и отмечен продвижением к цели — Мартын получает свободу в движении по времени. Власть над временем и пространством, свобода передвижения по времени, как по пространству, открытость всех пространств, закрытых для простых смертных, собственно означает высшую степень посвященности, владение всей полнотой бытия, в том числе и собственной смертью и возрождением, т. е. обретение бессмертия.

Библиография

1. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. – М., 2001.
2. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. – М., 1998.
3. Гришакова М. Две заметки о В. Набокове // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IY. (Новая серия). – Тарту, 2001. С. 247–259.
4. Дарк О. Подвиг. Примечания. // Набоков В.В. Собр. соч. в 4 т. – М., 1990. – Т.2. С.439-444.
5. Долинин А. Доклады Владимира Набокова в берлинском литературном кружке (Из рукописных материалов двадцатых годов) // Звезда, 1999. № 4. С.7–11.
6. Набоков В. В. Собр. соч. в 4 т. – М., 1990.
7. Набоков: pro et contra// Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. –СПб., 1997.
8. Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. В 5 т. – СПб., 1999–2000.
9. Сендерович С. «Набоков и постсимволизм» (Сендерович. 1998 // <http://liber/rush.ru/conf/Postcimvolizm98/senderovich.htm>)
10. Хейбер Э. «Подвиг» Набокова и волшебная сказка. // Специальный проект: «Журнальный зал» // <http://magazines.russ.ru? slo/2001/1/hei.html>
11. Шраер М. О концовке набоковского «Подвига» // Старое литературное обозрение. – 2001. № 1 (277).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД

имени Юрия Григорьевича СЛЕПУХИНА
„ЛУЧШИЕ КНИГИ – БИБЛИОТЕКАМ“

www.yslepukhin.ru